

и (исп.)
и 13.

БЛАСКО ИБАНЬЕС РОЗАУРА САЛСЕДО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«**МЫСЛЬ**»

ЛЕНИНГРАД • 1927

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ тов. ЗИНОВЬЕВА.

Изд-ства «Ленинградская Правда».
Ленинград, Социалистическая, 14.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБПРИТ № 19392.

Тираж 5.000 16 1/2 л. Заказ № 5155.
1926 г.

БЛАСКО ИБАНЬЕС
(BLASCO IBANEZ)

И(ист.)
113

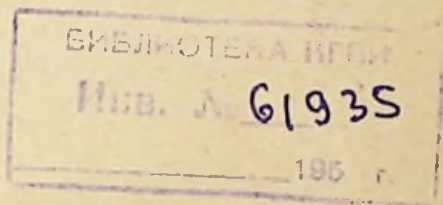
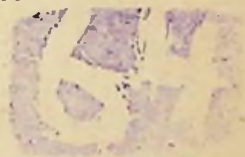
Q

РОЗАУРА САЛСЕДО

Р О М А Н

Авторизованный перевод с испанского

М. В. ВАТСОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
ЛЕНИНГРАД

Обложка работы
художника
Л. С. ХИЖИНСКОГО

Мн
тотчас
радов

—
котор

Сл
в восс
время
видя,
по-исп

—
ставле
не по

Но
чение
глазам

Об
вперв
в дом

КАБАЛЬЕРО ТАНГЕЙЗЕР

угу она колебалась, вспоминая прошлое. Но
же поспешила сказать с улыбкой, словно ее
и собственные слова:

И узнаю вас. Вы—кабальеро Тангейзер, тот,
и был в любовной связи с Венерой.

Случилось это в „Селест-Отеле“ в Авиньоне
в часов вечера. Клаудио Борха, издали во
ббеда наблюдавший за нею, встал из-за стола,
тогда она приближается к нему, и спросил ее
нски:

Вы сеньора де-Пинедо? Я имел честь быть пред-
ным вам в Мадриде. Быть может, вы этого
ите.

нет, она не забыла. Она засмеялась и в те-
ескольных секунд как бы просила у него
извинения за свое невольное веселье.

они вызвали в своей памяти, как и где они
встретились. Случилось это за обедом
сеньора Бустаменто,—испанского сенатора,

который из-за своего личного тщеславия поддерживал отношения с южно-американскими странами. Перейдя в салон после обеда, гости говорили о тех личностях в литературе и истории, которые им были наиболее по душе. Каждый заявлял, каким из героев он желал бы быть.

Эстела, дочь хозяина, молодая девушка, робким голосом жалела о том, что ей не выпало на долю быть Офелией Шекспира; ее отец, торжественный дон Аристидес, колебался между Ликургом и кардиналом Хименес де-Сиснерос; старый генерал выбрал Юлия Цезаря.

Все желали узнать, кем хотела бы быть Розаура Салседо, вдова Пинеда, богатая аргентинская дама, в честь которой Бустаменто давал банкет. Но эта сеньора, бывшая в Мадриде проездом, жившая большую часть года в Париже, или путешествовавшая по всей Европе, скромно отказалась объявить свою героиню. У нее нет такой. Она довольна своей судьбой. И почти все присутствовавшие сеньоры, отягченные неисполнившимися желаниями и завистью, озлобленные на судьбу, смотрели на Розауру пристально, и в их улыбках было что-то, похожее на цвет желчи. Они с горечью одобряли ее. Чего еще могла она желать? Чего только не дала ей жизнь? Богатство у нее было громадное: богатство американское — миллионы и миллионы. К тому же она была свободна, могла делать все, что вздумается, и красота ее, словно бесконечная весна, непрерывно обновлялась, благодаря роскоши и дорого стоящей гигиене.

После нее настала очередь Клаудио Борха, которого сеньор Бустаменто причислял как бы к своей семье, потому что он был молод и одинок. Многие считали этого юношу, не имевшего определенных занятий, но владевшего значительным состоянием, будущим мужем Эстелы Бустаменто.

Клаудио Борха, точно бросая вызов почтенному обществу, энергично заявил: ему очень обидно, что он не кабальеро Тангейзер.

Некоторые, желая похвастать своею начитанностью, поспешили признать такое желание очень понятным. Тангейзер был странствующий поэт, певец — кабальеро, а Борха пишет стихи.

— Нет, — ответил юноша, — если я завидую Тангейзеру, то потому лишь, что он имел любовную связь с Венерой.

Наступило изумленное молчание, полное недоумения. Кончилось тем, что все рассмеялись, признавая, что Борха, как все пишущие для публики, часто „чудит“.

— Понятно, я не забыла вас, — продолжала красивая аргентинка, вместе с Клаудио направляясь в салон. — Человек, который дает такой ответ, уже нечто. В тот вечер мы не могли поговорить друг с другом. Сеньор Бустаменто так дружески овладевает своими гостями. Несколько дней спустя я уехала из Мадрида. Быть может, даже на следующий день. Наверное, не помню. Для меня прошлое очень мало значит. Я думаю только о завтрашнем дне. Но, верьте мне, я много раз вспоминала вас. Когда

я слушаю музыку Вагнера, в памяти моей всегда встает лицо юноши, которого я видела всего раз в жизни, и я задаю себе вопрос: „Что вышло из мадридского Тангейзера? Вступил ли он в брак с Офелией, утомившись ждать Венеры?“

И красивая дама опять засмеялась, взглянув на идущего рядом с нею молодого человека. А его разбирала досада на ироническую любезность сеньоры де Пинеда. В то же время сознание, что он около двух лет жил в ее памяти, льстило его самолюбию.

Когда они вошли в „холл“, их окружила атмосфера, вибрирующая музыкой и насыщенная табачным дымом, с легким ароматом опия. Кресла и диваны были заняты людьми, родной язык которых был английский: ежедневная волна путешественников, останавливающихся на двадцать четыре часа в Авиньоне, осматривающих замок пап, фонтан в Воклюзе, воспетый Петраркой, и продолжающих свой путь на Прованс, к Лазурному берегу.

Розаура остановилась перед двумя квадратными рамочками, висевшими у входа в салон в уровень со взглядами проходящих. В одной из этих рамок был маленький ключ; в другой — листок желтоватой бумаги, исписанной красными чернилами. Борха объяснил вдове историю обоих предметов.

Это здание было дворцом XVII века. Прежние конюшни были превращены теперь в „гаражи“. Революция, присоединившая к Франции в 1792 г. древний город пап, превратила дворец в отель. В этом виде он существовал более столетия. Ключ,

хранившийся в одной из маленьких рамок, был ключом от комнаты в верхнем этаже, в которой жил некий артиллерийский капитан, по имени Бонапарте, которому покровительствовал всемогущий Робеспьер.

— Должно быть, он там жил до осады Тулона, когда метался и не знал, как начать свою карьеру. Быть может, он здесь сочинил единственную свсю книгу: „Ужин в Бокеро,“ — нечто вроде политического романа. Бокеро очень близко от Авиньона.

А письмо во второй рамочке было написано маршалом наполеоновского двора хозяину отеля. Император часто вспоминал рагу из дичи, которое он едал в молодости, живя в Авиньоне, и знатное дворцовое лицо просило рецепт этого рагу, чтобы повар в Тюильри мог им воспользоваться.

Розаура посмотрела, сдвинув брови, на пожелтевший листок и сказала серьезно:

— Наверное, блюдо это не понравилось Наполеону в Париже. Никто не умеет так вкусно готовить кушанья, как молодость и бедность.

Маленький оркестр сопровождал разговоры приезжих, неутомимых путешественников, привыкших проводить вечера в „холле“ отеля, в каких бы земных широтах они ни находились, не чувствуя желания выйти на улицу. День был создан для осмотра музеев и интересных памятников; вечер — для обеда, в „смокинге“, или бальном платье, под легкую музыку. Курили, перелистывали журналы, или разговаривали с людьми, с которыми познакомились в подобном же отеле, на другом конце планеты.

Аргентинка и испанский юноша заняли два кожаных кресла, — низких и глубоких. Наступило время каждому рассказать, в свою очередь, почему он находится здесь.

Она недавно лишь приехала в своем автомобиле. Не может припомнить, сколько ночей уже провела в этом отеле. Это было неизбежное место отдыха в ее путешествиях из Парижа на Лазурный берег, где она имела роскошную „виллу“, с тенистыми садами, у самого моря.

— Все меня здесь знают. Я — клиентка, приезжающая сюда много раз в году. Проведу здесь ночь и уезжаю на следующий день, так поспешно, так рассеянно, что даже не замечаю этих рамок, о которых вы только-что рассказывали мне. И в этот раз будет то же самое. Я уеду завтра, как все эти англичане, или североамериканцы, которые одну ночь спят в Авиньоне, а на следующий день летят дальше. Завтра вечером буду у себя дома и увижу море сквозь апельсиновые и пальмовые деревья. А вы что тут делаете?

Борха, пробывший две недели в отеле, немного поколебался прежде чем ответить, и его лицо с тонкими чертами, смуглое и бледное, слегка покраснело. Наконец, он пробормотал, точно боясь, что повторится этот женский смех, — ласкающий, музыкальный, но несколько иронический:

— Я приехал из Мадрида для занятий, готовлю к выпуску книгу... Меня уже много лет интересует история одного моего соотечественника — авиньон-

ского папы — дон Педро де-Луна. Но вам, сеньора, такого рода вещи не могут быть интересны. Это такая старина!

Она взглянула на него так же, как когда рассматривала письмо маршала наполеоновского двора. Голос ее звучал спокойно и серьезно:

— Меня интересует все, что говорит о труде, и выдержки; меня интересует всякая личность, имеющая идеал и умеющая добиваться своего.

Оба замолчали. Случайно в то же время замолкли все разговоры, и в атмосфере душистого табака вибрировала, подчеркнутая внезапным молчанием, томная мелодия двух скрипок, виолончели и рояля, заливавшихся любовным романсом. Клаудио казалось, что он видит самого себя в совершенно новом свете. После двухнедельного одиночества присутствие этой женщины, о которой он не раз вспоминал, как о существе, принадлежавшем к высшему и таинственному миру, словно наделяло его новой способностью оценивать самого себя. Он был не более как мечтатель, предрасположенный заниматься всякими нелепыми вещами, лишь бы они были интересны. Он считал себя от рождения слабовольным и, несомненно, вследствие этого хотел написать историю дона Педро де-Луна, обладавшего самой упорной волей в свое время и, быть может, даже во все времена мира. Он жил среди призраков и не раз жалел, что он уже не ребенок, и не может слышать изумительные рассказы, которые скрашивали первые годы его существования. Он, как и боль-

шая часть людей, не знал спокойной и безмятежной атмосферы семьи, не знал покровительственной улыбки родителей.

О своем отце он слышал от дона Аристиды Бустаменто. Это был инженер, родившийся в маленьком городке древнего королевства Валенсии, левантинец, скупой на слова, но, казалось, вознаграждавший свой недостаток словесного изобилия упорной и всесторонней деятельностью для насаждения иностранных изобретений в своей стране. Часть своей жизни он провел в путешествиях по Европе и Америке. Он ввел промышленность, создал маленькую железную дорогу, но появление автомобиля заставило его забыть о прежних его предприятиях. Во всем он искал упоения творчеством больше, чем денежной прибыли. Тем не менее, после смерти инженера, другу его Бустаменто, выдающемуся адвокату, удалось распутать его дела, продавая, заключая мировые сделки и т. д. до тех пор, пока сироте в конце концов осталось состояние более, чем в миллион пезет.

Инженер Борха в один из своих наездов в Париж увлекся сеньоритой, с которой был знаком перед тем еще в Гибралтаре, Эстреллой Толедо. Она происходила из старинной еврейской семьи и выказывала интерес ко всему испанскому. Занятый торговлей и предприятиями, инженер влюбился в сеньориту Толедо. И она, воспитанная в Гибралтаре на английский лад и затем получившая лоск в Париже, как и он, не придавала значения различию рас и вероисповеданий.

Борха женился на Эстрелле Толедо, предварительно посоветовавшись со своим двоюродным братом с материнской стороны, — доном валтазаром Фигуэрос, ученым каноником валенсийского собора. Каноник дал согласие на этот брак. В своих исследованиях XIV и XV веков каноник встречал немало испанских евреек, бывших замужем за знатными людьми. Притом у сеньориты Эстреллы было свое имущество и богатая родня, чем тоже нельзя было пренебрегать.

Жена Борха, кроткая и нежная, вскоре после рождения Клаудио ушла из жизни. Инженер не знал, что делать со своим единственным сыном. Он оставил его в Валенсии, где умерла мать ребенка, но когда мальчику минуло 6 лет, инженер взял его с собой в Париж. Тут Клаудио жил близ Булонского леса в маленьком отеле в Пасси, окруженном небольшим садом, которым он восхищался, так как в нем стояла белая статуя, вся покрытая мхом, и росло с полдюжины деревьев со стволами, тоже поросшими зеленью.

В этом отеле жил брат матери Клаудио, Соломон Толедо. Родственники его, богатые коммерсанты, смотрели с некоторым презрением и страхом на Соломона Толедо, довольного тем, что он небогат, и говорившего с ними свысока, несмотря на их миллионы. Все его комнаты были полны водопаями книг, вываливавшихся из шкафов, лежавших на столах и стульях. Старая Сефора, которая все горевала, вспоминая о танжерском солнце в холодном Париже, была экономкой дяди Соломона.

Старуха Сефора все еще жила в памяти Клаудио. Привыкшая к упорному молчанию своего ученого хозяина, она, наконец, узнала сладость болтовни, проводя целые часы с маленьким Клаудио. Она рассказывала мальчику все, что могла узнать относительно прошлого „избранного“ народа и говорила еще больше о его будущем.

В молодости Сефора служила у почтенного раввина, большого знатока талмуда. Она рассказывала ребенку множество изумительных повествований из талмуда, и для него книга эта была столь же интересна, как рассказы из „Тысячи и одной ночи“.

Борха признавал влияние Сефоры в его внутреннем созидании. Быть может, он также и матери был обязан своим предрасположением ко всему необычайному и чудесному. Инженер желал, чтобы сын вернулся в Испанию и получил образование на родине. Осиротев, Клаудио переехал из Валенсии в Мадрид и жил у своего опекуна Бустаменто. Так как он не чувствовал предпочтения к какой-либо карьере и писал стихи, опекун послал его в университет, чтобы он сделался адвокатом. В Испании всякий, кто не знает, какую ему избрать карьеру и выказывает склонность к литературе, должен делаться адвокатом. Никто не может объяснить, почему это так.

Кончив в 20 лет университетский курс, юноша поступил помощником к сеньору Бустаменто, но никогда не занимался практикой и вскоре забыл всякую юриспруденцию и жил, весь отдаваясь чтению

искал дружбы с профессиональными писателями, единственно занятый лишь книгой и театром. В некоторых собраниях в кафе, где громко кричали о литературе и политике, смотрели на него, как на „симпатичного молодого человека“, очень талантливого и независимого. Его стихи не смущали других поэтов и не могли возбуждать зависти. К тому же он был богат и в минуты крайнего безденежья мог быть полезным. В доме Бустаменто друзья сенатора смотрели на него, как на будущего мужа Эстелиты. Некоторые матери семейств обращались с ним с предусмотрительной любезностью на случай, если бы он выказал предпочтение какой-нибудь из их дочерей. Все сеньориты этого маленького мира считали его очень интересным и изящным.

Он был бледен, с белокурыми волосами. Физическое наследство дало этому смуглому типу левантинца некоторую восточную грацию, болезненную и утонченную, отблеск, быть может, его внутренней жизни, плодотворной на вымыслы.

Борха не говорил никому о той непрерывной игре фантазии, которая украшала его внутреннее существование. Никто уже не рассказывал ему сказок, как в детстве; но теперь он рассказывал их сам себе, фабрикуя все новые силой неутомимого воображения. Все окружавшее казалось ему посредственным и недостойным его; чтобы освободиться от этой скудной действительности, он летал по лживым и обольстительным небесам, которые человечество творило, желая придать красоту жизни.

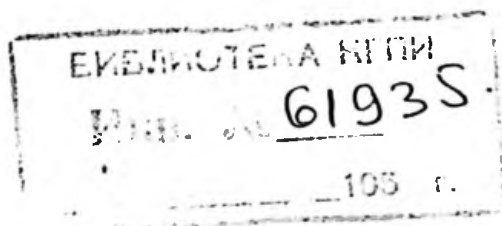
Он мысленно влюбился в Венеру—самое высшее и совершенное воплощение красоты. Но Венера, которую боготворил Борха, не была Венерой классических художников, вышедшей обнаженной из пены морской, или восседавшей на белых и крепких, как мрамор, облаках под непрерывным дождем цветов. Это была Венера, которую знал поэт Тангейзер—Венера, жившая в средние века в гротах с розоватым светом, или на диких горах вроде „Венусберга“, обольщавшая мужчин соблазном бессмертной своей плоти, отдававшаяся сладострастию и греху под колокольный звон, степенное пение процессий и армий паломников, которые шли в Рим, чтобы вымолить себе прощение грехов.

Эта средневековая Венера была двойная. Вторая личность—воплотилась в ее красоте. Раввины знали о существовании страшной женщины, жизнь которой будет продолжаться, пока будет продолжаться мир. Эта женщина—Лилит. Адам знал ее после грехопадения, и тысячетлетняя, бессмертная Лилит была одной из любимейших супруг Соломона.

Драматическая поэма Вагнера—краткое изложение разных северных легенд—казалась Борха душой Средних веков, переданных в звуках. Здесь ничто не было пропущено: и трубадуры, алчущие красоты, без которой не стоит жить; и толпы паломников, стекавшихся отовсюду в Рим; и Тангейзер, вечно всем недовольный, вздыхающий о том, чего не имеет, и забывающий то, что достигнуто, чтобы опять добиваться того, что бросил; Венера—искушение, сладо-

астие, грех; и папа, всемогущий наследник древ-
х цезарей, в негодовании узнающий, что смерт-
ий разделял ложе страшной Лилит, царицы всяче-
лих мерзостей, и отказывающий окаянному в отпу-
ении грехов, тем самым ставя его выше всех людей,
оздавая из него исключительное существо, гранди-
зное в своем мрачном величии, трагически пре-
расное, подобное павшему ангелу.

Ах!.. Борха восхищался скитальцем-певцом, за-
видуя его проклятому блаженству. Он был безна-
дежно влюблен в Венеру-Лилит, которая уже не
удостоивала простых смертных своим появлением.

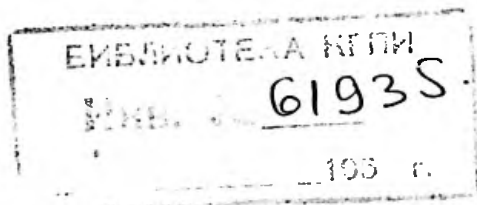
Он мысленно влюбился в Венеру—самое высшее и совершенное воплощение красоты. Но Венера, которую боготворил Борха, не была Венерой классических художников, вышедшей обнаженной из пены морской, или восседавшей на белых и крепких, как мрамор, облаках под непрерывным дождем цветов. Это была Венера, которую знал поэт Тангейзер—Венера, жившая в средние века в гротах с розоватым светом, или на диких горах вроде „Венус-берга“, обольщавшая мужчин соблазном бессмертной своей плоти, отдававшаяся сладострастию и греху под колокольный звон, степенное пение процессий и армий паломников, которые шли в Рим, чтобы вымолить себе прощение грехов.

Эта средневековая Венера была двойная. Вторая личность—воплотилась в ее красоте. Раввины знали о существовании страшной женщины, жизнь которой будет продолжаться, пока будет продолжаться мир. Эта женщина—Лилит. Адам знал ее после грехопадения, и тысячелетняя, бессмертная Лилит была одной из любимейших супругов Соломона.

Драматическая поэма Вагнера—краткое изложение разных северных легенд—казалась Борха душой Средних веков, переданных в звуках. Здесь ничто не было пропущено: и трубадуры, алчущие красоты, без которой не стоит жить; и толпы паломников, стекавшихся отовсюду в Рим; и Тангейзер, вечно всем недовольный, вздыхающий о том, чего не имеет, и забывающий то, что достигнуто, чтобы опять добиваться того, что бросил; Венера—искушение, сладо-

страстие, грех; и папа, всемогущий наследник древних цезарей, в негодовании узнающий, что смертный разделял ложе страшной Лилит, царицы всяческих мерзостей, и отказывающий окаянному в отпущении грехов, тем самым ставя его выше всех людей, создавая из него исключительное существо, грандиозное в своем мрачном величии, трагически прекрасное, подобное павшему ангелу.

Ах!.. Борха восхищался скитальцем-певцом, завидя его проклятому блаженству. Он был безнадежно влюблен в Венеру-Лилит, которая уже не удостоивала простых смертных своим появлением.

II

ВДОВА „КОРОЛЯ ПОЛЕЙ“

Пройдя в несколько мгновений всю прошедшую свою жизнь, Борха в то же время не сводил глаз с аргентинской дамы.

Он восхищался ее красотой еще в доме Бустаменто; но здесь, в стеле, он видел ее близко, без всяких драгоценностей и украшений, которые тогда придавали ее красоте ослепительный блеск. Он еще помнил бриллиантовое ожерелье, возбуждавшее восхищение и зависть других женщин. Теперь на ней было только кольцо из жемчугов на шее, обладавшей, казалось, такой же, как и они, молочной прозрачностью. Платье ее отличалось элегантною простотой. Клаудио подробно разбирал ее красоту, чтобы объяснить себе обаяние, которое, казалось, окружало ее как бы сиянием. Прежде всего, в ней привлекала внимание белизна кожи, напоминавшая белизну жемчуга, слоновой кости, белизну белых и сквозящих материй, обладающих нежным внутренним блеском. Она не портила кожу притираниями. Несомненно, она посвящала целые часы на поддержание своей

но эту работу скрывала с осторож-
ю, — только немножечко краски на губах, очень
голубой ореол вокруг век, тонкая черная
я в углах глаз.

орха понял, что наиболее привлекательным в ней,
говоря о скульптурной соразмерности ее тела,
а улыбка, — легкая улыбка, которая бродила на ее
ах, и влажный, нежный, сладостный взгляд глаз,
несколько расходящимися веками.

В своем воображении он видел ее, увенчанную
фиалками, как Афродиту греческих певцов, когда
подняли на Олимп, похитив из Средиземного
моря, где она только-что родилась из пены морских
волн. Клаудио пристально смотрел на ее короткие
белокурые волосы, без всякого украшения, очевидно,
быстро и небрежно приглаженные перед зеркалом
перед тем как сойти в столовую. Но видел он это
лишь глазами воображения. Мысленно он созерцал
ее в головном уборе богини. Несомненно, она была
увенчана фиалками, как Афродита. Он ощущал их
благоухание.

Он продолжал говорить с сеньорой Пинеда совершенно машинально. У него была уверенность, что он не сказал ничего нелепого, или неприличного, но он сам не понимал, что означают его слова. Быть может, он описывал свою жизнь в Авиньоне, свои иллюзии, — то, что он собирался изложить в книге, на которой в то время сосредоточил все усилия своей воли. Быть может, он говорил о своих друзьях в Мадриде и о том вечере, когда он познакомился с сеньо-

рой Пинеда. Между тем самое ценное внутри него отвлекалось и сосредоточивалось, чтобы воскресить все свои воспоминания о прошлом этой женщины.

Сеньор Бустаменто много раз говорил в присутствии его о сеньоре де Пинеда, богатой вдове из Буэнос-Айреса. Ей принадлежали громадные стада, которые, казалось, нельзя было сосчитать; множество домов в столице ее страны, и тем не менее ее муж считал себя бедным, когда умирал, так как он до того обладал еще большим богатством.

Розаура Салседо принадлежала к так называемой колониальной аристократии. Семья Салседо была богата в те времена, когда богатством в Америке являлись земельные участки, не имеющие границ и стада почти диких быков, охраняемых такими же дикими „гаучос“, когда громадные эти стада давали доход в виде шкур и жиров, годных для вывоза. Мясо же скота шло только на потребу бесчисленных воронов, чудовищно жиревших от нескончаемых пиров в Пампасах.

Аристократические жители Буэнос-Айреса ели фрукты из своих вилл вблизи города. Жили они с патриархальной простотой и вместе с тем в аристократическом обособлении; вступали всегда в браки между собой. Летом они уезжали в свои поместья, где не раз им угрожало вторжение индейцев. Появление парусного судна с известиями из Европы было для них целым событием.

Бустаменто описывал внезапную перемену в этом колониальном мире, бедном деньгами и богатым про-

дуктами. Эту внезапную революцию совершили: скорострельные ружья, тянутая проволока, пар и холодильный аппарат.

Местные солдаты, продвигаясь внутрь страны, не успев сделать первого выстрела из своих старых ружей, должны были сражаться в рукопашную с индейцами, которые шли на них, пуская в ход свое оружие: камни, тесак. Начинались нескончаемые войны. Но перед скорострельным карабином индеец бежал, признав себя побежденным, и белые могли завладеть бесконечными пространствами пампасов. Это случилось почти в наши дни, после 1870 года.

Владелец окружал свои земельные участки проволокой, и эти его почти незримые заборы создали дороги, принудив скитающегося и вороватого „гаучоса“ держаться определенного направления, что в свою очередь утвердило общественный порядок и обеспечило собственность.

Пар привел пароходы под разными флагами в пресные воды Рио де ла Плата. В то же время, благодаря пару, внутрь страны проникла железная дорога. Жители Буэнос-Айреса могли создавать увеселительные парки в местностях, где прежде разъезжали галопом племена воинственных индейцев. Каждый новый приток эмигрантов располагался лагерем все дальше на целый день езды по железной дороге. Появились десятки городов на равнинах. Из бесконечных пространств, населенных уроженцами всех наций, стали притекать к побережью целые потоки ржи и манса.

Изобретение холодильного аппарата упрочило это благополучие. Скотоводство стало прибыльным не только из-за одной продажи шерсти, шкур и жира. Мясо сделалось предметом вывоза. И это простое изобретение любознательного француза Клода Толье, умершего в Париже в бедности, создало в Аргентине бесконечное число миллионеров местных и иностранных.

Семья Салседо не воспользовалась этой экономической революцией, оставшись навсегда верной прежнему колониальному быту. К тому времени, когда увеличилась в сто раз ценность стад овец, у них имелось налицо всего несколько земельных участков и очень мало скота. Салседо вмешивались в политическую борьбу страны, побуждаемые к этому романтическим энтузиазмом, и на это тратили большую часть своего состояния. Были они люди бескорыстные, великодушные, несколько фанфаронистые, предрасположенные к войне и приключениям из-за любви к опасностям: все те же качества древних конкистадоров, умиравших в бедности.

Отец Розауры, мужчина красивый и бравый, заботился только о том, чтобы его считали настоящим кабальеро, чтобы сторонники его политической партии восхищались им, а противники боялись его отваги и доблести. Когда Розаура была еще маленькой, отца ее убили на дуэли, — одной из тех ужасающих южно-американских дуэлей на пистолетах, которые неминуемо кончаются смертью. Всегда бывает убит один из дуэлянтов, иногда оба, и только в самых редких случаях оба противника остаются живы.

Розаура, единственная дочь, росла подле матери, дамы, в которой, казалось, возродились энергия и достоинства древних креолок, умевших принимать у себя в салоне и в то же время искусно управлять своим имением, когда мужа участвовали в революциях и гражданских войнах. Она прилагала огромные усилия, чтобы престиж их семьи не упал. Ее считали „бедной, но благородной сеньорой“, и новые миллионеры иностранного происхождения добивались ее дружбы, хотя всем было известно, что мать и дочь тайно работали у себя на дому, занимаясь шитьем и вышиванием для некоторых магазинов Буэнос-Айреса, которые в прежние времена считали их в числе лучших своих покупательниц. Эта работа давала им возможность покрывать расходы по дому.

Когда Розауре минуло 18 лет, Пинеда увидел ее в первый раз. Бустаменто восторгался, говоря об этом испанце, описывая его, как конвистадора, опоздавшего родиться на три века. Он был человек коммерческий, торговал земельными участками в громадных размерах, с той широтой и смелостью, которая мыслима только в Америке.

— Во время одного из его путешествий в Европу, — говорил дон Аристидо с патриотической гордостью, — Пинеда, которого называли „Королем степей“, посетил лондонскую биржу и, увидав там аспидную доску, на которой вписывали из различных местностей торговые предложения, написал:

„Продается три тысячи квадратных миль земельной собственности“. Все подумали, что это шутка.

Но наш соотечественник мог располагать еще более обширными земельными участками. Он купил большую часть Парагвайской республики. Все леса, почти девственные, по одну и по другую сторону Верхнего Паранà и реки Парагвай, до самых недр Бразилии, принадлежали ему. По аргентинским равнинам железная дорога шла часами и часами среди полей, принадлежавших ему.

Пинеда покупал и продавал, покупал и продавал. Он считал потерянным время, когда в течение одного дня не получал громадных сумм одной рукой, чтобы отдать их другой. Нотариус, находившийся на службе у него, работал в его кабинете, занятый писанием купчих крепостей на его покупки или продажи.

— Я все куплю,—говорил он надменно.—Цена для меня не имеет значения; насчет этого мы всегда сойдемся. Единственное, что меня интересует, это—определить время и обусловить плату.

Все банки помогали ему с методической и организаторской смелостью вести эту пляску миллионов. Он покупал оптом сотни квадратных миль, чтобы потом продать, разбив их на мелкие участки. Лучшими его клиентами были эмигранты, высаживавшиеся в Аргентину с желанием работать. Он покупал на бумаге бесконечные территории в глубине Америки, поближе к судоходным рекам, территории, населенные одними тиграми с золотистой шкурой, громадными боа, или небольшими гадюками, свернувшимися в венчиках лесных цветов, и семьями кочующих индейцев со свинцовыми серьгами в ушах,

отчего уши их отвисали ниже плеч—несчастливыми остатками примитивного человечества.

Эти смелые покупки были, как он говорил, деньгами, которые росли для будущего. Со временем коровы и человек явятся на эти участки в поисках новых пастбищ, и он продаст их, увеличив уплаченную им цену в тысячекратном размере.

В эпоху высшего расцвета своего могущества он познакомился с Розаурой. Мать ее посетила „Короля степей“ в его конторе.

Не легко было свидеться с Пинеда, но сеньора верила в престиж своего имени. Сверх того, эта дама хранила традиционное тщеславие креолок, привыкших смотреть, как на ниже стоящих на всех тех, кто приезжал селиться в их страну. Всякий, кто не говорил по-испански, считался у них „гринго“,— а испанцев,—несмотря на то, что сеньора Салседо гордилась своим испанским происхождением,—она называла „галлегос“, как это делали ее предки. Ничего не было странного в том, что „галлегос“ Пинеда со всеми своими миллионами поспешил принять у себя в кабинете сеньору вдову де Салседо.. Так оно и случилось. Дама нуждалась в совете. Дочери ее принадлежал, как единственное отцовское наследство, участок земли, незначительный по своему размеру в этой стране. Но приобретение Пинедой огромных земель, лежащих непосредственно около ее участка, и возможное проведение там железной дороги давали этой частице земли неожиданную ценность. Можно было получить несколько тысяч

„песос“, что до известной степени улучшило бы положение семьи. И сеньора пришла к обладателю многих миллионов просить его купить этот участок, или посоветовать, сколько ей просить за него у желающих его приобрести.

Пинеда слушал ее рассеянно, не сводя глаз с Розауры, которая тоже смотрела на него, но лишь с вежливым равнодушием. Молодая девушка сопровождала мать случайно, так как они должны были затем вместе делать визиты. Этот разговор о земельных участках и нескольких тысячах песос досаждал ей так же, как и шум в соседних с кабинетом конторах,—треск пишущих машин, споры между служащими и деревенскими жителями, приехавшими из внутренних областей страны.

Пинеда перестал смотреть на Розауру и обратился к ее матери, обещая немедленно ознакомиться с ее делом, несмотря на множество спешных занятий. Меньше чем через сутки он даст ей ответ и просит разрешения передать его лично сеньоре Салседо у нее на квартире. Он не желает, чтобы две такие дамы утруждали себя посещением его конторы.

Миллионеру было тогда 40 лет, и он провел всю свою жизнь в погоне за деньгами не только ради материальных благ, которые они доставляют, но также и ради могущества и власти, которые они дают. У него не было времени наслаждаться утехами настоящей роскоши. До этого времени он не знал иной любви, кроме любви—легко доступной и оплачиваемой. С другой стороны, работа поддерживала

в нем вторую молодость, несколько грубую, но сильную.

Настал момент, когда его неслыханное счастье должно было получить признание общества. Если бы он жил в Европе, он, быть может, старался бы приобрести женитьбой дворянский титул. Но здесь достойным венцом его карьеры ему казалась женитьба на Салседо... И притом эта Розаура, — с ее обольстительной молодостью и походкой богини, высокая, белая, белокурая...

На следующий же день сеньора де Салседо увидела его входящим в ее салон, в перчатках и сюртуке, робко разглядывающего картины и несколько устарелую мебель этой комнаты, которая, как ему казалось, отдает запахом старинных книг. Испанец мог похвалиться, что он удивил сеньору. Она была до того изумлена, услышав, что миллионер обращался к ней за разрешением жениться на Розауре, что просила его повторить свое предложение, думая, что плохо поняла его. Наконец, смущенная и взволнованная, она настояла на том, чтобы он дал ей время на ответ. Ей необходимо поговорить с дочерью.

Последняя удивилась меньше, чем мать. Ей, правда, не приходило в голову, что этот деловой человек, серьезный и более чем зрелый, был способен к любовной страсти; но она всегда верила в свою счастливую звезду и ждала, что рано или поздно какой-нибудь миллионер попросит ее руки. Она любила „золото“, так как ежечасно видела, с каким трепетным поклонением относятся к нему люди. К тому же

она ценила деньги и как дополнение к красоте. Она имела право владеть миллионами.

Быстрее матери согласилась она на предложение испанца и через несколько месяцев вышла за него замуж, узнав сразу все тщеславное удовлетворение, какое дает безграничная роскошь. „Королю степей“ Америка казалась слишком ничтожным фоном для великолепия, которым он окружал жену, и, бросив дела, он переехал с нею в Европу. Парижские создатели и фабриканты ценностей, украшающих женщину, увидели на небе мод новое светило,—мадам де-Пинеда.

Молодые страны, обладающие необычайными богатствами, идут вперед большими скачками: растут от грубых сотрясений, как растения, оплодотворяемые свирепыми ветрами.

В Аргентине вскоре наступил один из финансовых параличей, и „Король степей“, идущий всегда вперед с закрытыми глазами, доверяясь своей счастливой судьбе, увидел себя, как говорится, „одной ногой над пропастью“. Эмиграция в Аргентину уменьшилась; в Европе деньги стали редки из-за несчастной войны на Балканах. Чума уничтожала коров и быков тысячами. Саранча тучей затемняла солнце, пожирая хлебные растения. Семь худых коров после семи жирных,—период нескончаемых бедствий, которые неожиданно наступают во всех странах, отличающихся райским изобилием.

Три года боролся Пинеда с жестокой судьбой. Он задолжал много миллионов туземным банкам

Ими был устроен ликвидационный комитет для администрации и продажи его земель, обширных, как целые государства. Главная забота Пинеды сосредоточилась на том, чтобы Розаура ничего не узнала о критическом положении его дел.

„Король степей“ умер внезапно,—без всякой предварительной болезни. Многие считали это тайным самоубийством. Вдова Пинеды (вдова в двадцать пять лет) оглянулась кругом с изумлением, словно проснувшись от розового сна. Никто не улыбался ей и не осыпал ее галантными комплиментами, как раньше.

Ее одиночество увеличилось со смертью матери. Казалось, будто эта бедная сеньора, так гордившаяся блестящим замужеством дочери, захотела последовать за зятем в его поражении. У Розауры оставалось двое детей, сын и дочь. Они были еще такие малютки, что мать при виде их, вместо того, чтобы ободриться, лишь больше впадала в отчаяние и разражалась слезами. „Что станет с ними? Как спасти их? Я ничего не понимаю в этих мужских делах“.

Но счастье снова повернулось к ней лицом. Дела пошли опять хорошо: деньги появились в изобилии, и мало-по-малу вернулась прежняя жизнь.

В одно утро Розаура снова проснулась богатой. Большая часть ее территории была продана банками, долги все уплачены, и, наконец, после целого года споров, прений, собраний, вдова оказалась обладательницей большого состояния. Розаура сохраняла свое место среди миллионеров страны.

Европа и, в особенности, Париж привлекали вдову. Доктора в Буэнос-Айресе знают болезнь, чисто аргентинскую, всегда свирепствовавшую там среди женщин. Врач, после долгих исследований, улыбается и говорит мужу:

— У вашей сеньоры болезнь Парижа.

Так как Розаура не нуждалась в разрешении для этого путешествия, она немедленно уехала во Францию. Бедная родственница сопровождала ее туда, чтобы заботиться там об ее двух малютках.

Розаура опять стала главным украшением маленького американского мирка, говорящего по-испански и живущего в Париже. Она наняла отель вблизи Булонского леса, виллу на Лазурном берегу—для зимних месяцев, а лето делила между Довилем и Биаррицем.

Некоторые испанские ее друзья, с которыми она познакомилась в Биаррице, пробудили в ней желание побывать в Испании. И ее предки и предки Пинеды были родом оттуда. Розаура поехала в Мадрид, где пробыла довольно долго. Дон Аристидес Бустаменто, познакомившийся с богатой вдовой в Биаррице, считал своим патриотическим долгом быть ее гидом по музеям и при экскурсиях в ближайшие исторические города.

Однажды, в более интимном кругу в доме сеньора Бустаменто, Розаура и „кабальер Тангейзер“ впервые встретились друг с другом. А теперь, по прошествии двух лет, неожиданно снова увиделись в отеле в Авиньоне.

Борха напрягал память, чтобы вспомнить все, слышанное им урывками о жизни этой женщины. Кто-то двусмысленно улыбнулся, говоря о ней и о некоем Урданета, тоже американце, живущем почти всегда в Париже. Но больше он ничего не мог вспомнить.

Розаура говорила с ним и спрашивала, почему он так рассеян. Дама желала знать, как ему пришлось в голову написать книгу: поэму в прозе о доне Педро де-Луна,—испанском папе в Авиньоне.

Борха пришлось рассказать, как еще в детстве, живя в Валенсии с дядей Фигуэрос, он восхищался портретом папы Калликста III. Фамилия его тоже была Борха. Старая служанка каноника говорила ребенку, что человек может добиться всего, если сосредоточит все свои силы на одном желании. Папа, изображенный на овальной картине, повторял с самого своего детства: „Я буду папой, я буду папой“, и стал им. Он же открыл дорогу к папскому престолу одному из своих племянников, Родриго де-Борха, известному впоследствии под именем папы Александра VI (третий испанский папа), отцу многочисленного семейства, который италиянизировал свою фамилию, превратив ее в Борджиа.

Вдова Пинеды слушала Клаудио с интересом. Правда, в парижском салоне ее отеля или на террасе виллы эти же рассуждения показались бы ей скучными. Он говорил, что его исследования о первом Борджиа натолкнули его на дону Педро де-Луна, колосса, высеченного в глыбе горы.

— Мне стыдно,—заявила Розаура,—что я совсем не знаю Авиньона, после того, как столько раз была в нем. К тому же этот папа, которым вы так восхищаетесь, начинает интересоваться и меня. Мне всегда нравились люди с сильным характером, с сильной волей, которые знают, чего они хотят, и умеют хотеть.

Она обещала пойти на другой день утром с Борха осматривать дворец-крепость Авиньонских пап. Быть может, в тот же вечер она уедет. А может быть, продолжит свой отдых в Авиньоне еще на два или три дня.

Ей нечего делать на Лазурном берегу; никто ее не ждет. Настала весна, и люди, которые провели там зиму, уже уехали далеко. Борха робко высказал сомнение, которое уже давно смущало его:

— Кажется странным, что такая сеньора, как вы, едете на Лазурный берег, когда все люди вашего круга давно уехали оттуда. Только важная и неотложная причина...

Розаура посмотрела на него, будто хотела выведать его мысль. И затем сказала с деланной простотой:

— Я хотела забыть жизнь в Париже, не видеть людей, проводить дни, не думая ни о чем, любуясь Средиземным морем.

И, не замечая противоречия между этим заявлением и следующей фразой, добавила:

— Я была в Париже чересчур одинока и скучала.

III

ВЕЛИКИЙ ВАВИЛОНСКИЙ ПЛЕН

Следуя указаниям своего спутника, Розаура несколько откинула голову назад, чтобы одним взглядом охватить всю высоту громадного дворца-крепости авиньонских пап. Солнце и воздух красили в нежный пурпур его стены, башни и колонны.

— Это цвет Авиньона,—сказал Борха,—цвет его храмов, стен и мостов, всего, что в этой местности было построено из камня. Кажется, будто он—эмблема нескончаемого заката солнца; он напоминает оттенки осенней листвы.

— Часто, бывая в Авиньоне,—сказала Розаура,—у меня возникал один и тот же вопрос: „Почему папы жили в Авиньоне?“ Вы, наверное, смеетесь над моим невежеством, друг Борха?

В ответ Клаудио сказал, что многие ставят тот же вопрос, говоря об Авиньоне, и лишь немногие знают причину этого исторического факта.

— Мир не был таким, каков он теперь,—продолжал Клаудио.—Франция не существовала тогда.

в настоящем своем виде; не существовала также и Испания. А что касается Италии, то она состояла из целого ряда маленьких морских государств, находившихся в непрерывном кипении. Приоры и феодалы жили доходом постоянных грабежей и непрерывных войн. Город Рим был одним из самых небезопасных мест в мире. На его улицах почти ежедневно сражались банды Орсини и Колонна,—семей, вечно споривших за обладание древним городом, величественным, как кладбище, почти безлюдным, в котором было больше развалин, чем целых зданий. Иногда эти две соперничающие стороны временно входили в соглашение, чтобы нанести удар третьему лицу, а именно папы. Один из Колонна, жестоко преследуемый папой Бонифацием, оскорбил его и даже дал ему пощечину своей стальной рукавицей. Вследствие этого папа умер от гнева и стыда. Пришлось выбирать ему преемника среди итальянской анархии. Кардиналы избрали француза, архиепископа Бурдебса. Это и был первый из авиньонских пап; он принял имя Климента V и считал Авиньон только временным своим пребыванием. Авиньон принадлежал церкви. Сначала он был собственностью королевы Хуаны, женщины элегантной и грациозной на словах и в движениях, но отличавшейся самыми развратными нравами, встречающимися в истории этих веков. Она была замужем за Андреем Венгерским, убитым одним из ее любовников. Луис, венгерский король, пошел войной против Хуаны, чтобы отомстить за смерть

брата и в то же время завладеть Неаполем. Хуана, которая одновременно была и графиней Прованса, бежала туда, как бы прибегая к духовному покровительству пап, поселившихся в ее городе Авиньоне. Неаполитанцы просили ее вернуться, раздраженные невоздержанностью вторгнувшегося к ним Луиса. И так как ей нужны были деньги для набора солдат и найма галер в Марсели, Хуана продала папам Авиньон за восемьдесят тысяч флоринов,—т.е. за сумму, которая равнялась бы в настоящее время четырем миллионам франков золотом.

В Авиньоне, с его утопающими в зелени окрестностями, приятно жить только тогда, когда не дует мистраль. Но бедствием, похуже мистраля, была чума, несколько раз появлявшаяся в XIV веке. Город „Трех ключей“ (небо, земля и вода) опять начинал свое шумное существование, едва отдалась опасность чумы.

Множество политических изгнанников, искавших справедливости, жили в окрестностях Авиньона. Сыном одним из этих эмигрантов был Петрарка, воспоминания о котором встречаются здесь на каждом шагу: во дворце, на улицах Авиньона, у знаменитого фонтана Воклюз.

Когда был выбран четвертый авиньонский папа Климент VI, которого прозвали папой-Трубадуром, делегация римского народа явилась в Авиньон приветствовать его. Петрарка присоединился к ней и вследствие этого сдружился с одним из делегатов, юношей с пылким красноречием, сильной фан-

тазией и безграничной смелостью, по имени Кола ди-Риенци, сыном трактирщика.

Один из кардиналов, поселившихся в Авиньоне, испанец Карельо де-Альборнос, в молодости бывший военным, обещал папам вернуть все их земные владения, что и исполнил, собрав войско в Италии и встав во главе его. Талантливый военачальник и политик—он продолжал войну и завоевал и захватил все города, принадлежавшие некогда папам. Но эти завоевания лишь усилили приток жалоб и петиций итальянцев. Римский народ раскаивался в своих восстаниях, которые изгнали из Рима пап, и возмущенный тем, что деньги паломников получает другой город, настаивал на своей петиции, на том, чтобы папа покинул берега Роны и возвратился на берега Тибра.

Самым властным и красноречивым апостолом этой пропаганды был человек, живший при папском дворе. Имя его Петрарка.

Кардиналы, ведущие роскошную жизнь, и папские чиновники, обладавшие веселым нравом, считали его своим другом. Это не мешало ему писать против взяточничества и распутства пап в Авиньоне, словно жизнь пап, находившихся в Риме, была более достойной.

Петрарка привел в восторг своих соотечественников тем, что назвал время пребывания пап в Авиньоне „Великим Вавилонским пленением“.

IV

ПАПСКИЙ ЗАМОК

Медленно собиралась группа любопытных, приехавших из разных частей света, для посещения древней резиденции пап. Красивая креолка узнала на площади многих живущих в отеле, которых видела накануне вечером. Вскоре затем вошло несколько молодых североамериканцев, быть может, студентов, совершающих экскурсию по Европе; несколько французских парочек, восхищавшихся из патристического тщеславия громадными размерами этого замка, прославленного провансальскими поэтами; два протестантских пастора, один джентльмэн-атлет и итальянский кюре, худой, с острым носом, профиль которого, по словам Борха, напоминал профиль Данте, но только в кривом зеркале.

— Вы увидите, дорогая сеньора, нечто столь же заслуживающее внимания, как и древнее жилище пап,—гида, который показывает его.

И он указал на человека в черном с красной каймой кепи и с палочкой в правой руке.

Розаура узнала его. Это был тот самый гид, который водил ее во время неоконченного ею посе-

щения дворца. Докучливая болтовня гида и была причиной того, что она недослушала его и ушла.

— Но он незаменимый человек, — протестовал Клаудио, улыбаясь. — Часто мы судим о людях по расположению нашего духа. Быть может, сегодня его присутствие покажется вам приятным.

Борха издала поклонился гиду, который ответил ему, сняв кепи и устремив глаза на элегантную даму, сопровождавшую испанца.

— Слушайте его внимательно, — сказал Борха. — Это поэт, несколько сбитый с пути и мало образованный, но, несомненно, в своем роде поэт. Его отец был скромный „фелибр“ из последователей Мистрала. Вы знаете, что „фелибр“ — название провансальских поэтов. Сын, выполняя свою миссию, сумел быть говорящей душой этих камней. Я приходил несколько раз только для того, чтобы послушать его.

Когда гид увидел, что посетители перестали покупать фотографии и карточки, он встал со своего места и лениво потянулся.

— Сеньоры, сюда! Идите сюда!

Он весь преобразился. Два раза утром и два раза вечером водил он иностранцев по дворам, лестницам и салонам, показывая им этот замок, бывший для него чем-то вроде Провансальского Парфенона. Он знал на память все, что следовало сказать в каждом углу и перед каждым камнем. Но иногда, среди механических объяснений, его охватывало непреодолимое желание импровизировать, и он расписывал внезапными красками своего вооб-

ражения бледное и монотонное полотно, которое он развешивал перед публикой.

Посреди двора гид, окруженный слушателями, приступил к обычной своей декламации. Между прочим он сообщил, что именно последний папа Авиньонский уничтожил стену, окружавшую замок и защищавшую его на случай осады. Ему же Авиньон обязан большой открытой площадью перед главным фасадом замка.

— Назову вам, сеньоры, этого папу: Бенедикт XIII, великий папа Луна, соотечественник некоторых из лиц, присутствующих здесь.

И он поклонился, устремив глаза на Розауру и Клаудио. Вся группа путешественников тоже взглянула на них, и оба они были немного смущены общим любопытством. Затем „фелибр“ стал описывать всю красоту „своего дворца“: „самый красивый в мире исторический памятник“.

— Лазурное небо, чистый воздух, величественная симфония мистраля, и на ряду со всем этим золотистый цвет камней, цвет которых, по словам трубадуров, придает своим отблеском новый огонь взорам дам. Как говорит Петрарка...

Борха ждал последних слов и дотронулся до рукава Розауры. Он предупреждал ее о постоянных ссылках гида на Петрарку. Все свои объяснения и описания он подкреплял стихами Петрарки, но такими стихами, которых поэт никогда не писал или которые были переведены настолько плохо, что были недостойны имени автора.

Пройдя по разным залам дворца, туристы очутились в „grap Capella“, самой большой комнате во всем этаже. Розаура и Клаудио рассматривали картины и портреты. Однако им пришлось прервать этот осмотр. В огромной комнате вдруг зазвучал гимн, казавшийся сверхчеловеческим хором. В действительности же звучал лишь один единственный голос, но от различных отголосков камня в углах возникали все новые и новые голоса, они сливались, создавая нежное, неопределенное созвучие, по своему строению напоминавшее разные ветки одного дерева, которые разбрасываются и умножаются, но имеют одно и то же происхождение: общий ствол. И стволом этого пения был голос самого „фелибра“, небольшой тенор, звучность которого ширилась, повторяясь в разных тонах, как-будто звук его катился по бесконечному горизонту.

Североамериканец, человек большого роста, с бритым лицом, улыбнулся, устремив на певца восхищенный и покровительственный взгляд. „Трубадур, настоящий трубадур“,—говорил он стоявшим близ него. И, вынув из кармана необыкновенно толстый кожаный портсигар с полдюжиной гаванских сигар, он предложил одну из них гиду.

— Благодарю, джентльмэн, но курить сигару я буду только поздно вечером. Теперь это могло бы испортить мне голос.

И он продолжал распевать свои провансальские строфы с энтузиазмом южанина. Когда замолкли последние отзвуки, он поклонился, благодаря за несколько иронические аплодисменты присутствующих.

Некоторые из них хвалили его пение и вечно веселое расположение духа.

— Дело в том, что я идеалист,—сказал он степенно.—Я не завидую ни Ротшильду, ни Рокфеллеру; я смеюсь над миллионерами. Они живут не так весело, как я. Они не идеалисты.

И гид продолжал объяснять и указывать на разные подробности замка и его окрестностей. Между прочим, упомянул о местечке Мальяно, и находившейся рядом с ним дачке, в которой жил Мистраль. И славное имя поэта придало ему новую смелость. Гид возвысил голос, и в глазах его загорелся необычайный блеск.

— Здесь,—сказал он,—среди оливковых деревьев раздается пение соловьев, здесь слышен хор кузнециков, под тимьяном и розмарином, этими лесными кадилъницами уединения; видно могучее паренье птиц и волнообразный изящный полет пурпурных и золотых бабочек, слышно ласковое воркование горлиц и серенады гитар перед провансальскими дворцами, камни которых как бы поют.

И, придя в восторг от собственных слов, он приложил свою палочку к груди, как-будто она была лютней, и провел по незримым струнам пальцами правой руки.

— О, трубадур, трубадур!—снова вздохнул у него за спиной североамериканец.

Толпа посетителей двинулась по коридорам мимо разных комнат и очутилась вскоре в зале с белыми стенами, украшенными портретами.

— Сеньоры,—сказал гид,—это все авиньонские папы. Семеро из них правили церковью, не возбуждая никаких споров. Только восьмому и девятому подчинился не весь христианский мир, а лишь часть его. И хотя о них много спорили, все же они были такими же полномочными папами, как и остальные.

Гид был провансалец, и хотя он избегал вмешиваться в религиозные споры, но никогда не согласился бы выразить сомнение относительно законности Авиньонских пап, особенно же последнего папы Бенедикта XIII,—великого папы Луна, после того, как Мистраль воспел его в одной из своих поэм.

Когда кончился обход дворца, Розаура и Клаудио последовали за остальными посетителями. Всем казалось, что они уже достаточно насмотрелись. Около выхода из дворца стоял сын „фелибра“, кланяясь выходящим на улицу; в правой руке он держал кепи. Каждый посетитель, проходя мимо него, бросал франк или два франка в его шапку, и „трубадур“ благодарно улыбался.

Розаура положила на дно кепи двадцатипятифранковый билет. Гид решил, что за это следует выразить благодарность особым приветом.

— Петрарка сказал папе: „Святой отец, золотой цвет этих каменных глыб, ясное небо, отражающееся в волнах Роны, зеленые поля Авиньона, свежие струи Воклюза, соловьи, бабочки, серенады,—все вместе взятое,—ничто перед улыбкой и нежными глазами дамы“.

Борха почувствовал раздражение против этого человека за его неиссякаемое красноречие.

— Враль!.. Знай, выдумывает себе нелепости, вкладывая их в уста Петрарки или своих пап.

Красивая вдова рассмеялась, как-будто гнев Борха ей доставлял удовольствие.

— Оставьте его в покое! Не будете же вы отрицать, что он интересный и поэтический гид. А я еще хранила о нем такое ложное воспоминание.

И Розаура с Клаудио вернулись в отель.

V

СЫН МИССЕРА ПЕТРАККО

На другой день они решили совершить прогулку по окрестностям в автомобиле. Позади них остались розоватые бастионы Авиньона, и автомобиль понесся через пашни по дороге, обсаженной тополями.

Они удалялись от ложбины Роны, и автомобиль поднимался незаметно по уклону холмов, ограничивавших речную долину. Они направлялись к истоку Соржес, впадающего в Рону, теряющегося вблизи Авиньона у знаменитого фонтана Воклюз и дающего начало этому водному течению, всегда прозрачному и холодному.

Борха рассказывал сеньоре Пинеда о сыне миссера Петракко, как он называл знаменитого итальянского лирика. Родился он в Ареццо и затем получил образование в Авиньоне.

Миссер Петракко (Пиетро ди-Паренца) был нотариусом во Флоренции и должен был бежать из своего города в 1301 г. так же, как и друг его Данте. Оба они принадлежали к демократической партии гвельфов, которые тогда назывались „белыми“. Когда

восторжествовали „черные“, или, иначе говоря, партия аристократическая, эти последние сожгли их дома, конфисковали имущество и приговорили их к вечному изгнанию. Многие беглецы собрались в Ареццо, чтобы подготовить революцию. И в этом изгнании родился, три года спустя, Франческо Петрарко или, иными словами, сын Петрарко, фамилия которого потом преобразовалась в „Петрарко“ и окончательно в — „Петрарка“.

Флорентийский нотариус расстался с Данте и другим своим товарищем по изгнанию, чтобы переехать в город пап, где тоже было много итальянских изгнанников. Скудость домов в Авиньоне и дороговизна жизни принудили его поселиться в Карпентрасе, и здесь сын его посещал школу. Его товарищами были юноши, впоследствии занимавшие высокие посты при папском дворе и оказывавшие ему покровительство. Отец желал, чтобы сын его изучал юриспруденцию, но Петрарка, восторженный поклонник древних литератур, предпочел сделаться гуманистом и быть гордостью своих учителей.

Первой его любовью был Рим, и он страстно желал снова видеть его властителем мира. Вот почему он и нападал на Авиньонских пап, несмотря на то, что пользовался их благосклонностью. Ему казалось невыносимым видеть папство на берегах Роны в то время, как древний город Рим разваливался и обезлюдел вследствие нескончаемых гражданских войн.

Возмужав, поэт поселился в Авиньоне и жил при дворе пап. Как многие интеллигенты его вре-

мени, он принял малое пострижение, чтобы пользоваться всеми выгодами, не исполняя обязанностей священнослужения. Его существование украшали сад в Воклюзе и большая библиотека.

Задавшись целью воскресить латинскую литературу, он сам списывал или покупал копии с книг наиболее знаменитых писателей прежних веков. Ему удалось собрать таким образом сотни томов, что было неслыхано в те времена.

— Петрарка,—продолжал рассказывать Борха,—много путешествовал, несмотря на громадный риск, которому приходилось подвергаться в те времена. Два товарища его были убиты бандитами по дороге из Авиньона в Рим.

Петрарка хотя не был богат, путешествовал больше, чем кто-либо другой в его время. Вскоре ему пришлось уехать из Авиньона. Таким образом, он побывал в Италии, Франции и Нидерландах. В другой раз он посетил Испанию, берег Средиземного моря, переехал Гибралтар и доехал до Альп.

Влюбленный поэт думал, что, как Гомер, пополнит свои познания, не давая отдыха телу и уму, переезжая с место на место. В страстную пятницу 1332 г. произошло самое значительное событие в его жизни. При входе в храм св. Клары в Авиньоне Петрарка встретил Лауру Новес,—юную и целомудренную красавицу. Она и поэт обменялись взглядами, и этого было достаточно, чтобы соединить их на всю их остальную жизнь.

Эта Лаура де-Новес была женой богатого авиньонского сеньора Гуго-де-Сада, предка знаменитого маркиза де-Сада, чудовищного романиста. Героиня самой идеальной и бескорыстной любовной повести, когда-либо известной, по капризу жизни является родственницей самого безумного из распутных людей. Вы знаете, что у Лауры было девять человек детей от мужа, и она, бесспорно, оставалась ему верной всю свою жизнь.

Розаура, внимательно слушавшая Клаудио, сделала жест недоверия.

— Я никогда не могла понять этого, и мне кажется, что все думают так же, как и я. Это выходит за пределы наших современных понятий. Любить друг друга столько лет, жить в одном и том же городе, и ничего—так-таки абсолютно ничего“...

Вдова улыбнулась, выказывая в то же время некоторое смущение из-за смелости своих намеков.

— Не надо забывать дух того времени,—возразил Борха. — Петрарка был почти современником рыцарской эпохи. Душа его была схожа с душой паладинов героических повестей, которые разъезжали по свету, ломая копья во славу своей дамы и получая от нее в награду за это только перчатку, или ленту. Он жил в период идеальной и бескорыстной любви.

Сказав это с некоторым энтузиазмом, молодой человек улыбнулся почти так же, как и Розаура.

— Я должен добавить, что жизнь забавно мстит тем, кто пытается освободиться от гнета ее веле-

ний. В то время, как Петрарка воспевал Лауру—своего „сладостного врага“, жалуясь на ее пренебрежение к нему и на ее супружескую верность мужу, сам он поддерживал „материальную“ связь с женщиной из Авиньона, от которой имел двух детей,—Хуана и Франциску.

После того, как автомобиль Розауры, поднявшись по косогору, стал спускаться, наши путешественники потеряли из виду долину Роны. Другая долина расстилалась теперь перед ними—с маленькими городишками, прислонившимися к подножию холмов, на которых еще сохранялись развалины замков. В глубине, загораживая большую часть горизонта, виднелась громадная пирамида.

— Теперь открыли новую Лауру, — продолжал Борха, — Лауру, повидимому, более правдоподобную, чем замужняя дама с девятью детьми. Аббат из семьи Сад пустил в ход рассказ, будто Лаура была из его родни. Другие думают, что возлюбленной поэта была Лаура де-Бо, жившая в замке близ Воклюза. Она оставалась незамужней, и ее литературные вкусы, романтическая фигура лучше согласуются с поэтом. Лаура де-Новес умерла от чумы, унесшей столько жертв в папском городе. Лаура де-Бо, молодая, хрупкого здоровья, умерла от чихотки, в отсутствие своего певца. Но та ли была Лаурой или другая, мы можем быть лишь благодарны поэту за его любовные канцоны и сонеты.

Его домик близ речки Соржес, наполненный книгами и воспоминаниями о классическом Риме, нахо-

дится у подножия скалистого холма. Много раз поэт покидал это свое уединение. Когда Риенци основал Римскую республику, Петрарка в полном восторге предпринял путешествие, чтобы присоединиться к трибуну. Но добравшись до Рима, он узнал о поражении Риенци и о его бегстве. Он должен был остановиться в Парме. Другое, еще более ужасное, известие настигло его в пути: Лаура умерла.

Он вернулся в Воклюз, чтобы любить призрак. От всего, что его окружало,—от скал, деревьев и журчания вод, возникали образы и воспоминания и выходили к нему навстречу, как печальные друзья. Он снова покинул свой домик в тот день, когда, прогуливаясь по берегу Соржес, увидел приехавшего к нему посланца римского Сената.

Древний город желал увенчать его в Капитолии с несколько театральной пышностью, которая напоминала бы древние римские триумфы. Это великое посвящение имело в виду в большей степени политического деятеля, красноречивого патриота, сторонника объединения Италии, чем поэта.

А поэта прославляли за наиболее забытую в настоящее время часть его творчества. Ему рукоплескали за его латинские поэмы и в особенности за его поэму „Африка“, написанную по-латински. А на его итальянские стихотворения, — такие искренно-страстные, которые кажутся нам написанными современным лириком, тогда смотрели как на ребяческую забаву ученого, как на суетную игру его воображения. Это доказывает непостоянство литературных

суждений. Люди его времени никогда не верили в существование Лауры: для них она была вымышленным существом, которому Петрарка посвящал гимны чисто „духовной любви“.

Автомобиль неся теперь по берегу ясной маленькой речки зеленого цвета. Вскоре речка стала извиваться между домами местечка Воклюз. Шум незримого водопада поднимался из глубины источника, соединяясь с шопотом высокоствольной листвы, качающейся под дуновением ветерка.

Автомобиль остановился у дверей рестораника на открытом воздухе, между дорогой и берегом. На этой узенькой полоске земли с садовыми беседками, столами и стульями виднелась при входе хвастливая надпись: „Сад Петрарки“.

Розаура и Клаудио вышли из автомобиля и пошли по тропинке между кустарниками. Здесь начинался подъем к водопаду Воклюз. Кругом были тень и безмолвие. Борха восхищался этим тысячелетним полумраком. Они сели на камень, но с некоторой опаской,—неловкий шаг, сдвиг камня—и они могли очутиться в водной пучине. Розаура села позади своего друга, подчиняясь его указаниям, вызванным галантной предосторожностью. Таким образом, если бы она соскользнула, молодой человек послужил бы ей опорой. Обернувшись к ней, Борха сделал жест изумления и затем улыбнулся. Ах, женщина! Она открыла свой ридикюль, чтобы посмотреть в зеркало; приведя в порядок локончики, упавшие на уши, сжала рот, чтобы красным карандашом подкрасить

губы. Кончив это дело, она поднялась. Ей здесь казалось холодно, и было тягостно жестокое безмолвие и полусвет. Клаудио подал ей руку, и они пошли по тропинке.

— Чувствовать, что тебя любят идеально— сказала задумчиво Розаура.— Мужчина, который довольствуется поцелуем руки и не требует больше ничего „материального“—так часто кажущегося нам оскорбительным и несвоевременным... Видеть себя боготворимой безкорыстной, целомудренной и искренней страстью!..

— Но вы забываете,— прервал ее молодой человек,— детей, которых имел поэт, а также и Лаура де-Новес от своего мужа.

— Это неважно. Эти препятствия значат менее, чем вы думаете и вполне совместимы с влюбленностью, о которой я говорю. Вы, мужчины, ищете только „этого“. Без „этого“ вы не можете понять любовь. Мы, женщины, думаем иначе. Мы менее чувственны, чем вы воображаете и, напротив, стремимся к многим вещам, которых вы не понимаете.

Они вошли в „Сад Петрарки“, и хозяин поспешил явиться, оборвав разговор с шоффером Розауры, испанцем, находившимся в услужении у нее с тех пор, как она приехала в Европу.

Они позавтракали на самом берегу Соржеса, где их разговор сопровождался грохотом водопада. На розовой скатерти стояла бутылка самого знаменитого в той местности вина „Шато неф дю Пап“, густого, вкусного, очень хмельного. Розаура, пленен-

ная шопотом воды и свежестью тени, после своего недавнего путешествия из Парижа по монотонным и пыльным дорогам, позавидовала уединенному домику Петрарки, считая его райским уголком.

— Я испытываю желание построить себе здесь домик. Жила бы я вдали от мира, стихов бы не писала, потому что я не поэт. Но могу вас уверить, я бы умела ценить не хуже Петрарки красоту этого места. Как он, должно быть, был счастлив на берегу этой речки, думая о своей Лауре.

Борха сделал жест недоверия. Если б хорошее могло длиться вечно! Но года идут, и с ними вянет молодость и жажда жизни. Красивое расположение Воклюза все более омрачалось для Петрарки. Лаура была уже только призраком. Друзья умерли или уехали из Авиньона. Дочка звала его во Флоренцию — Петрарка переселился из Авиньона в Рим, и патриотический его идеал осуществился. Он покинул Воклюз и поселился в итальянском местечке Арка. Тут, чтобы забыть свою старость, он со всем пылом отдался труду и дошел до того, что одновременно держал пять секретарей в Арка. И однажды вечером, как солдат, умирающий на своем посту, опираясь на ружье, он умер в своей библиотеке, упав на книги. Быть может, в этой агонии, быстрой и одинокой, последняя его мысль принадлежала Воклюзу.

Розаура с преувеличенным возмущением велела ему замолчать.

— Борха, не говорите о смерти. Оставьте жить Петрарку. Поэты не должны умирать. И будем жить

и мы тоже, будем наслаждаться предстоящим часом, в полном забвении того, что может случиться.

Они пили, веселые, как бродяги, встретившие хорошую гостиницу на своем пути. Хозяин „Сада Петрарки“ кланялся смущенно, слушая похвалы, расточаемые такой изящной сеньорой его кухне. Борха смотрел с удивлением на бутылку „Шато неф“. Она уже опустела, хотя еще не подали знаменитых жарсных дыплят. Он велел подать еще бутылку вина, несмотря на веселый протест Розауры.

— Нет, Клаудио, будьте благоразумны. Это вино очень крепкое и может броситься нам в голову.

Борха чувствовал себя наэлектризованным, и в то же время им владело беспокойство. Они были одни. Его спутница казалась другой женщиной. Глаза ее ярко блестели, смех ее звучал, как смех мужчины, а в словах была беззаботная доверчивость, точно оба они принадлежали к одному полу. Какая-то внутренняя двойственность, возникавшая в нем всегда в критические моменты его существования, вводила его в сомнение. Голос, который он один мог слышать, твердил ему: „Ты сделаешь глупость! Ты потеряешь приятную дружбу... Ты устыдишься, когда дашь себе отчет в твоём смешном поступке“.

Вскоре он взял руку Розауры и попытался поцеловать ее.

— Нет, Борха, — запротестовала она, внезапно став серьезной. — Не будьте ребенком. Вы собираетесь говорить о вашей любви, о блаженстве совместной жизни здесь — избитая музыка! Это мог бы

мне сказать последний дурак в том мире, в котором я живу... А вы еще считаете себя талантливым человеком... Отпустите мою руку. Поцелуй руки ничего не означает; мне сотни раз целуют руку в виде приветов, как и всем другим женщинам. Но здесь я этого не допущу. Здесь это означало бы нечто другое.

И она резким движением вырвала руку из двух рук, ласкавших ее.

— Вы не поверите мне,—ответил он кратко,—и, тем не менее, все, что я вам сейчас скажу, вполне достоверно. Вы думаете, что мы знакомы только с того раза, когда я увидел вас в Мадриде? Заблуждаетесь: я вас знал с тех пор, как начал думать. Видел я вас всегда, ждал вас всю мою жизнь, и теперь, когда, наконец, наши дороги скрестились, вы насмехаетесь над моим восхищением, считая меня одним из тех многих мужчин, которые искали вас единственно из-за блеска вашей красоты.

Она засмеялась над серьезностью, с которой молодой человек произнес эти слова.

— Пейте свой кофе, Клаудио!—сказала она материнским тоном.—Проведем спокойно этот столь прекрасный день. Не думайте, что я оскорблюсь, если вы перестанете ухаживать за мной. Наоборот, я желаю, чтобы мы говорили, как два друга. Обращайтесь со мной так, как если бы я была вашим товарищем.

Но Борха, опьяненный собственными словами, не мог успокоиться.

— Вы медлили явиться мне! — продолжал он. — Я знаю вас лучше, чем вы сами себя знаете. Вы будете вечно юной и, тем не менее, вам тысячи и тысячи лет. Вы такая же древняя, как мир, такая же далекая, как жизнь.

Розаура рассмеялась и отвесила ему иронический поклон.

— Какие любезности! Старая—древняя—тысячи лет!.. Очень благодарна—вы необычайно вежливы!

Юноша продолжал, словно говорил для самого себя.

— Я вас видел в книгах, на картинах, во всем, о чем мечтали люди, чтобы конкретно представить себе высшую красоту. Вы—Венера, вы—Елена, вы—изящество и обольщение, украшающие жизнь. Вы никогда не состаритесь, вы одарены бессмертием богов.

Она грациозной головой качала в знак одобрения.

— Это уже лучше. Вы исправились и говорите очень приятные вещи. Можете продолжать.

Музыка, вульгарная, веселая, с легкомысленным ритмом вдруг ворвалась в тревожный рокот воды и листвы. В „Саду Петрарка“ так же, как и во всех садовых ресторанах под городом, был электрический рояль, и хозяин, видя, что двое его единственных клиентов кончают свой завтрак, решил, что настал момент действовать роялю.

Ноги Розауры стали двигаться в такт этой веселой и вульгарной музыке, она пристукнула своими высокими каблуками.

— Пойдем танцевать! — сказала она.

И Борха увидел себя танцующим в пространстве, вымощенном асфальтом; близ берега реки Петрарки. На его правую руку непринужденно опиралась талия креолки. Она несколько отогнулась назад, точно опасалась какой-либо дерзости со стороны своего партнера. В то же время ей приятно было ощущать близкую опасность.

Розаура любила танцы. В Париже она посещала „дансинги“, а Клаудио на подобного рода празднествах держался почти всегда далеким наблюдателем.

Он дал управлять собой этой женщине, которая казалась ему высшим существом. Так должны были руководить бедными смертными древние богини, когда они удостоивали их своих объятий.

Снова воскресла в нем та смелость, которая была для него источником раскаяния и стыда. Словно охваченный безумием, он наклонил голову и робко поцеловал белую шею, видневшуюся в вырезе платья.

— Нет, уж это нет!—сказала Розаура, освобождаясь из его объятий.—Танцы кончились! Вы—неисправимый ребенок, с которым нельзя быть спокойной!

Затем, точно раскаиваясь в резкости тона, которым были сказаны эти слова, она добавила, улыбаясь:

— Придется мне написать дочери сеньора Бустаменто, чтобы она знала, что за тип ее будущий супруг.

Это напоминание в большей степени отрезвило Клаудио, чем все протесты дамы. С него тотчас соско-

чило сладостное опьянение; он все увидел в багровом свете. Весь пейзаж был затянут густым туманом.

Она кончила тем, что почувствовала к нему жалость—так он был растерян.

— Не разыгрывайте невинного агнца! Вы понимаете, что такая женщина, как я,—совершенно свободная и ведущая несколько мятежную жизнь,—не станет довольствоваться надеждой, что вы явитесь. Поверьте: никто никого не ждет;—все устрояет случай. Чтобы вы меня оставили в покое и мы продолжали быть друзьями, я вам скажу, что в моей вдовьей жизни существует мужчина... и мужчина, которого многие знают. Быть может, и вы его знаете, и желание занять его место, именно, и побуждает вас к смелости, которая оскорбила бы других женщин, менее знающих жизнь, чем я.

Подобное предположение Розауры оскорбило Борха и одновременно удивило. Он не знал о существовании такого человека и не желал замещать никого; он любил ее, не интересуясь ее биографией.

— Хорошо! Не говорите мне больше о своей любви. Меня удивляет, что вы не знали об этом эпизоде в моей жизни, когда им так много и без всякой нужды интересовались мои друзья в Париже и в других местах. Будемте, как те товарищи, которые чтут друг друга, живут, как братья, и уважают чужие тайны.

С этого момента разговор между ними увял. Тщетно она старалась развеселить Борха своим смехом и разговором.

Она захотела покататься на моторной лодке, по имени „Красавица Лаура“, совершавшей недлинные рейсы по реке Соржес. Но хозяин ресторана пояснил, что мотор этой лодки чинится механиком в Авиньоне.

— В таком случае едем,—сказала она, подавая знак шоферу, уже сидевшему в автомобиле у подъезда ресторана.

— Вы, мой Петрарка, в дурном расположении духа! Надо, чтобы вы не имели больше перед глазами красивого пейзажа, который вы теперь как будто ненавидите. В Авиньоне вы будете другим. Вы расскажете мне интересные вещи о своем соотечественнике Луна, о борьбе между папами и другие неизвестные мне истории.

Они вернулись в город по той же дороге. Борха оставался вначале молчаливым, отвечал кратко на вопросы своей спутницы. Затем—точно близость дивного тела, соприкасавшегося с ним при каждом качании автомобиля воскресила в нем страсть,—он снова стал говорить о своей любви, которую он считал сверхчеловеческой и украшал историческими и литературными нарядами.

Венера Лилит ответила ему серьезным тоном, в котором звучало желание раз навсегда покончить с подобным приставанием.

— Ах, испанец! Неужели женщина никуда не может пойти с мужчиной, чтобы тот не говорил ей о любви, требуя от нее взаимности, совсем, как султан, которому понравилась одалиска? Неужели нельзя, чтобы

мужчина и женщина жили мирно и тихо, как два друга? Я говорю с вами очень серьезно, Клаудио! Для меня было удачей встретить вас в Авиньоне. Вы рассказываете мне всякие интересные вещи; ваш разговор заставляет меня забывать другие мои заботы. Но если вы будете досажать мне, как капризный ребенок, то я завтра же утром уеду в свою виллу на Лазурном берегу, и вы меня больше не увидите.

VI.

ЗАРОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ЗАПАДНОГО РАСКОЛА.

Было десять часов утра. Розаура следила глазами за группой путешественников, которые, переходя через площадь Дворца, поднимались по дворцовой лестнице.

— Это все клиенты нашего друга „фелибра“, — сказала она, улыбаясь. — Идеалист сейчас опять начнет разглагольствовать и петь свой гимн в „Большой часовне“.

Борха ответил равнодушным жестом. Он объяснял своей спутнице, как шестой и седьмой папы удалились из Авиньона и этим невольно положили начало продолжительной церковной борьбе, известной под названием Великого Западного Раскола, т.-е. одновременного царствования двух пап в XIV и XV веках.

Они вышли из отеля, так как молодому человеку больше нравилось читать свои лекции по истории около папского дворца или прогуливаться по садам, украшающим в настоящее время прежнюю скалистую местность между жилищем пап и Роной.

— Когда в Авиньоне умер папа Климент VII, признанный Францией, Испанией, Португалией, Шотландией, Савойей, Неаполем и Провансом, кардиналы порешили, — как пять лет перед тем сделали римские кардиналы, — созвать конклав для избрания нового папы. И на этом конклаве ими единогласно был избран кардинал Аррагонский — дон Педро де-Луна.

С первых же дней раскола кардинал Луна был одним из наиболее красноречивых пропагандистов законности Авиньонского папства. В собрании из двадцати одного избирателя двадцать единогласно избрали кардинала Аррагонского, которому тогда было 66 лет.

Новый папа принял имя Бенедикта XIII. Это был первый испанец, занявший папский престол в Авиньоне.

Не прерывая своей прогулки, Борха продолжал описывать героя книги, которую писал. Педро де-Луна был человек добродетельный и воздержный. Среди всеобщей развращенности духовенства его безупречная жизнь особенно рельефно выделяла его из среды людей его времени.

В молодые годы Педро де-Луна был военным. Он, между прочим, сражался в Кастилии против Педро Жестокого.

Так как Луна в первое время раскола держался вдали от споров церковников, ограничиваясь тем, что путешествовал по Испании, все сочли его восшествие на папский престол несомненным признаком того, что раскол приходит к концу.

Богословы Парижской Сорбонны начали высказывать нетерпение, когда увидали, что шли месяцы, а Бенедикт XIII все не отказывается от своей тиары.

Франция.. отправила посольство в Авиньон и в Рим, чтобы уговорить обоих пап отказаться от престола. Но тщетно!

Два посольства — первое, так называемое „посольство трех герцогов“, второе — „посольство трех королей“ (Франции, Англии и Кастилии) — старались убедить папу Луна отречься первым от своего звания в пользу римского папы для объединения церквей. Но Бенедикт XIII стойко и неустрашимо держался своего взгляда, не пугаясь ни угроз, ни повелений. Посланным ему из Парижа он твердил одно:

— Я — законный папа и не имею права отказываться от этого святого звания.

На требование отречься первым от папского престола испанец отвечал: „Лучше смерть“.

Франция отправила посольство с таким же требованием к папе в Рим. Но и это посольство не имело успеха. Римский папа был так же непреклонен, как и Бенедикт XIII, и тем не менее именно на последнего сильнее всего нажимал французский двор и парижский университет.

Некто Бусико вторгся во главе своих банд на папскую территорию.

Вскоре Бусико занял город. Папе Луна оставалось одно убежище — его дворец. И в нем он заперся с пятью кардиналами, еще оставшимися ему верными; из них один был итальянцем, а четверо других испанцами.

Осада укрепленного папского дворца длилась четыре с половиной года. Стойкость дон Педро Луна была изумительна. Но, наконец, он счел, что настало время покинуть заключение. В дворцовом соборе была древняя потайная дверь, много лет тому назад замуравленная.

11 марта 1403 г. через эту дверь вышли четверо—папа и трое его доверенных лиц. Таким образом последний Авиньонский папа покинул навсегда дворец, выстроенный его предшественниками. Никогда больше он не вернулся в этот город в течение двадцати четырех лет, которые он еще прожил.

Когда на заре открыли городские ворота, папа и его спутники вышли из них на реку. На берегу дон Педро Луна ожидала барка с четырнадцатью гребцами. Папа и преданные ему приближенные сели в нее и уехали. Они бросили якорь у крепости Кастельренар в Провансе, которым правил в то время Луис д'Анжу, верный друг Бенедикта. И вот папа неожиданно восторжествовал над своими врагами. Его бегство из Авиньонского дворца произвело изумительную перемену.

В этом месте повествования Клаудио с своей спутницей уже дошел до верхнего конца сада, вблизи фонтана, в котором плавали золотые и красные рыбки. Несколько дальше оба они, облокотясь на железные перила моста, увидели внизу множество песчаных или покрытых зеленью островков, увидели противоположный берег речки с его виноградниками и высокоствольными деревьями и белые

каменные башни над средневековыми домами Вильнева. Розаура безмолвно всматривалась в этот пейзаж. Затем с улыбкой сказала своему спутнику:

— Дон Педро де-Луна навсегда покинул Авиньон. Не думаете ли вы, Клаудио, что настало время и нам уехать отсюда?

Так как Борха намеревался поехать в Марсель, Розаура решила отвезти его туда в своем автомобиле. Горничную она отправила по железной дороге в виллу на Лазурном берегу, чтобы она привезла в Марсель все телеграммы и письма, которые там могли бы оказаться.

Путешественники осматривали на другой день после приезда в Марсель древнее аббатство Сэн Виктор, где папа Бенедикт XIII принимал множество раскаявшихся недоброжелателей, так же, как и оставшихся ему верными сторонников.

Смелый план замышлял Педро де-Луна. Чтобы покончить с церковным расколом, он решил встретиться со своим противником лицом к лицу, хотя бы ему для этого пришлось добратсья до самого Рима. Бенедикт XIII любил море, так как оно казалось ему истинно свободным. Ему нужно было собрать флот, и он написал арагонскому королю, чтобы тот прислал ему галеры из Каталонии и Валенсии. Также и некоторые испанцы, корсары Средиземного моря, нанялись к нему на службу. Девять месяцев жил он в аббатстве, готовясь к экспедиции. Но чтобы добратсья до Рима и захватить противника, нужно

было много денег, и некоторые епископы прислали ему щедрые субсидии. Бенедикт XIII уехал из Марселя и прибыл в Ниццу в последние дни декабря 1404 г. Папский флот только в середине мая 1404 г. достиг Генуи, где папе был оказан блестящий прием. Казалось, все благоприятствовало Бенедикту. Но удача длилась недолго. Вскоре все изменилось. Нужно было создать войско, а на это у папы не было денег. И наконец, на него встал еще более страшный враг—бледный призрак, который столько раз уничтожал в XIV веке все человеческие замыслы: чума. И вот дон Педро де-Луна вернулся в аббатство Сэн Виктор до следующей экспедиции.

— И мы также добрались до нашего аббатства,— сказала Розаура, прерывая своего спутника.

Они вошли в ресторан и уселись за стол в первом этаже. Розауре очень понравилась обстановка и, главное, вид из окна ресторана.

— Да тут интереснее, чем в Воклюзе. Какая прелестная панорама! Но и завтрак, надеюсь, будет не хуже.

Клаудио стал уговаривать свою спутницу поехать с ним в Испанию и, наконец, в ответ на его просьбы, креолка утвердительно кивнула головой. Да, она поедет с ним в Испанию. Увидит уединенный замок на берегу моря, где умер скиталец Луна. Решено! И через стол она обменялась с Клаудио крепким рукопожатием.

Теперь шел у них разговор исключительно о предстоящем путешествии. Они уже видели перед

Богословы Парижской Сорбонны начали высказывать нетерпение, когда увидели, что шли месяцы, а Бенедикт XIII все не отказывается от своей тиары.

Франция... отправила посольство в Авиньон и в Рим, чтобы уговорить обоих пап отказаться от престола. Но тщетно!

Два посольства — первое, так называемое „посольство трех герцогов“, второе — „посольство трех королей“ (Франции, Англии и Кастилии) — старались убедить папу Луна отречься первым от своего звания в пользу римского папы для объединения церквей. Но Бенедикт XIII стойко и неустрашимо держался своего взгляда, не пугаясь ни угроз, ни повелений. Посланным ему из Парижа он твердил одно:

— Я — законный папа и не имею права отказываться от этого святого звания.

На требование отречься первым от папского престола испанец отвечал: „Лучше смерть“.

Франция отправила посольство с таким же требованием к папе в Рим. Но и это посольство не имело успеха. Римский папа был так же непреклонен, как и Бенедикт XIII, и тем не менее именно на последнего сильнее всего нажимал французский двор и парижский университет.

Некто Бусико вторгся во главе своих банд на папскую территорию.

Вскоре Бусико занял город. Папе Луна оставалось одно убежище — его дворец. И в нем он заперся с пятью кардиналами, еще оставшимися ему верными; из них один был итальянцем, а четверо других испанцами.

Осада укрепленного папского дворца длилась четыре с половиной года. Стойкость дон Педро Луна была изумительна. Но, наконец, он счел, что настало время покинуть заключение. В дворцовом соборе была древняя потайная дверь, много лет тому назад замуравленная.

11 марта 1403 г. через эту дверь вышли четверо—папа и трое его доверенных лиц. Таким образом последний Авиньонский папа покинул навсегда дворец, выстроенный его предшественниками. Никогда больше он не вернулся в этот город в течение двадцати четырех лет, которые он еще прожил.

Когда на заре открыли городские ворота, папа и его спутники вышли из них на реку. На берегу дон Педро Луна ожидала барка с четырнадцатью гребцами. Папа и преданные ему приближенные сели в нее и уехали. Они бросили якорь у крепости Кастельренар в Провансе, которым правил в то время Луис д'Анжу, верный друг Бенедикта. И вот папа неожиданно восторжествовал над своими прагами. Его бегство из Авиньонского дворца произвело изумительную перемену.

В этом месте повествования Клаудио с своей спутницей уже дошел до верхнего конца сада, вблизи фонтана, в котором плавали золотые и красные рыбки. Несколько дальше оба они, облокотясь на железные перила моста, увидели внизу множество песчаных или покрытых зеленью островков, увидели противоположный берег речки с его виноградниками и высокоствольными деревьями и белые

каменные башни над средневековыми домами Вильнева. Розаура безмолвно всматривалась в этот пейзаж. Затем с улыбкой сказала своему спутнику:

— Дон Педро де-Луна навсегда покинул Авиньон. Не думаете ли вы, Клаудио, что настало время и нам уехать отсюда?

Так как Борха намеревался поехать в Марсель, Розаура решила отвезти его туда в своем автомобиле. Горничную она отправила по железной дороге в виллу на Лазурном берегу, чтобы она привезла в Марсель все телеграммы и письма, которые там могли бы оказаться.

Путешественники осматривали на другой день после приезда в Марсель древнее аббатство Сэн Виктор, где папа Бенедикт XIII принимал множество раскаявшихся недоброжелателей, так же, как и оставшихся ему верными сторонников.

Смелый план замышлял Педро де-Луна. Чтобы покончить с церковным расколом, он решил встретиться со своим противником лицом к лицу, хотя бы ему для этого пришлось добратся до самого Рима. Бенедикт XIII любил море, так как оно казалось ему истинно свободным. Ему нужно было собрать флот, и он написал аррагонскому королю, чтобы тот прислал ему галеры из Каталонии и Валенсии. Также и некоторые испанцы, корсары Средиземного моря, нанялись к нему на службу. Девять месяцев жил он в аббатстве, готовясь к экспедиции. Но чтобы добратся до Рима и захватить противника, нужно

было много денег, и некоторые епископы прислали ему щедрые субсидии. Бенедикт XIII уехал из Марселя и прибыл в Ниццу в последние дни декабря 1404 г. Папский флот только в середине мая 1404 г. достиг Генуи, где папе был оказан блестящий прием. Казалось, все благоприятствовало Бенедикту. Но удача длилась недолго. Вскоре все изменилось. Нужно было создать войско, а на это у папы не было денег. И наконец, на него встал еще более страшный враг—бледный призрак, который столько раз уничтожал в XIV веке все человеческие замыслы: чума. И вот дон Педро де-Луна вернулся в аббатство Сэн Виктор до следующей экспедиции.

— И мы также добрались до нашего аббатства,— сказала Розауре, прерывая своего спутника.

Они вошли в ресторан и уселись за стол в первом этаже. Розауре очень понравилась обстановка и, главное, вид из окна ресторана.

— Да тут интереснее, чем в Воклюзе. Какая прелестная панорама! Но и завтрак, надеюсь, будет не хуже.

Клаудио стал уговаривать свою спутницу поехать с ним в Испанию и, наконец, в ответ на его просьбы, креолка утвердительно кивнула головой. Да, она поедет с ним в Испанию. Увидит уединенный замок на берегу моря, где умер скиталец Луна. Решено! И через стол она обменялась с Клаудио крепким рукопожатием.

Теперь шел у них разговор исключительно о предстоящем путешествии. Они уже видели перед

собой вершины Пиринеев, снежную шапку Каниго, а по ту сторону—равнины Каталонии, реку Эбро, апельсиновые сады Валенсии, скалу, увенчанную крепостью и выдвигающуюся в Средиземное море, точно гигантский корабль.

Выходя из ресторана, они улыбались, как двое влюбленных, хотя обменивались только восклицаниями относительно стран, которые собирались посетить.

— Дайте мне руку, Борхита,—сказала она детским голосом, будто прося помощи.— Я чувствую себя немного неуверенно. Думаю, что я слишком много выпила. „Живописные“ завтраки, которыми вы меня угощаете, в результате убийственны.

Она хотела тотчас же вернуться в отель. И они пошли по широкой улице, в конце которой находился их отель, лучший в Марселе. Приближаясь к главному его подъезду, они оба увидели какого-то сеньора, поспешно выходявшего оттуда. Обоим показалось, что это был сеньор Бустаменто. Розаура нашла подобную ошибку легко объяснимой.

— После такого „ужасного“ завтрака совсем неудивительно, что мы видим призраки.

И Клаудио тоже усомнился в том, что это был Бустаменто. За две недели до того, находясь еще в папском городе, он получил письмо от своего опекуна. Тот не говорил ни о каком близком путешествии, а только сообщал ему интересную новость, что его „начальство“, некий видный политический деятель, обещает ему высокий пост, а именно, пост

посла. И это должно случиться скоро, так как теперешнее министерство продержится недолго и уступит место новому.

Они вошли в отель и, поднявшись на лифте, очутились одни на безлюдной площадке.

Приходилось проститься. Комнаты их были в противоположных концах здания. Комната Розауры, элегантная и дорогая, выходила на улицу Канебьер. Борха поселился в более скромном номере, с окнами, выходившими в узкую старинную улицу.

Они простились с улыбкой, будто между ними существовало нечто вроде интимной близости, искусно скрытой от посторонних глаз и проявлявшейся только тогда, когда они оставались наедине. Клаудио поцеловал ей руку и, волнуясь, спросил, когда они снова увидятся.

Было два часа дня, может быть, несколько больше. Ей надо отдохнуть. В пять часов они сойдут вниз пить чай в „холл“ отеля. Затем поедут в экипаже в Прадо и по Корнишу.

— Итак, до пяти часов, — сказал молодой человек. — Думайте обо мне... Не забудьте о нашем путешествии.

Он еще держал ее правую руку в своей руке и снова поднес ее к губам.

Розаура, доверчивая и оптимистически настроенная, несколько встревожилась при этом втором поцелуе ее руки.

И тотчас же вскрикнула и откинулась назад. Губы, ласкавшие ее руку, быстро поднялись выше

и страстно прильнули к ее губам длительным, жадным, высасывающим поцелуем. Но она была мужественная женщина, несмотря на притворно-изнемогающий вид, которым она иногда желала придать новую грацию своей особе. Розаура сохранила всю силу, приобретенную ею еще в детстве, когда она жила в обширнейших владениях родственников и друзей и была настоящей амазонкой. И достаточно ей было дать толчок, чтобы отбросить своего спутника, который, казалось, раскаивался и устыдился этой необычной своей дерзости.

— И вы еще просили, чтобы мы путешествовали вместе?— сказала она голосом, дрожавшим от гнева.— Ни в Испанию, ни куда бы то ни было я с вами не поеду... Не рассчитывайте на меня!

Она повернулась к нему спиной и удалилась энергичной походкой.

VII

В МАРСЕЛЕ

Сошла она в „холл“ в пять часов дня. Ей наскучило сидеть у себя в комнате в полном одиночестве. Когда она уселась в кресле, то не удивилась, увидав, что Борха подходит к ней со смиренным, умоляющим видом. Он ждал ее, чтобы вымолить себе прощение. Заранее зная, что сказать ему, она прервала его речь с видом милостивой королевы.

— Не говорите ничего! Все забыто, если вы обещаете, что это больше никогда не повторится. В сущности это и так не повторится, потому что теперь вы не найдете удобного случая. Никакого путешествия, о котором мы говорили с вами за завтраком, не будет. Что за безумие путешествовать с человеком, на которого нельзя положиться!

Клаудио сделал покорный жест. Он на все согласился, лишь бы она его простила.

— Садитесь, возьмите чашку чаю! — продолжала Розаура, — и, чтобы не начинать прежнего, продолжайте лучше свой интересный и поучительный рассказ. Мы оставили нашего дон Педро, бежавшего

от чумы, в аббатстве Сан Виктор в Марселе — он готовился к новой экспедиции в Рим. Что же случилось дальше?

Несмотря на свой энтузиазм в отношении исторических эпизодов, из которых должна была состоять его будущая книга, ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы исполнить желание Розауры. Он предпочел бы продолжать разговор о случившемся несколько часов тому назад, объяснить свое поведение и добиться того, чтобы Розаура, забыв свой гнев, снова испытала прежнее желание поехать с ним в Испанию, что могло продлить их дружескую близость. Но ее нетерпение принудило его немедленно продолжать рассказ о событиях былых времен.

— Однажды папа Луна получил в своем уединении в Марселе известие о том, что римский папа умер. Восьмидесятилетний дон Педро проявил юношескую энергию, собираясь воевать с новым соперником, которого ему противопоставил Рим. Этот новый папа — Григорий VII — согласился было на предложенное им, Бенедиктом XIII, свидание. Оно должно было состояться в Саоне. Луна немедленно поехал в Ниццу. Здесь он организовал свой флот. Но свидание не состоялось. Григорий VII считал, что Саона слишком близка к побережью, а он боялся морского папы.

Народ смеялся над обоими папами. Дело в том, что Бенедикт упорно отказывался удалиться с побережья. Григорий же ни за что не желал приблизиться к морю. Король Франции заявил, что если и тот и другой папа не свидятся еще до праздника, Фран-

ция объявит себя нейтральной и не будет поддерживать Бенедикта XIII. Так кончилось его путешествие в Вечный Город, начавшееся триумфом. Кардиналы того и другого папы устраивали собрания в Пизе с тем, чтобы обоих отрешить от их звания, думая таким образом добиться окончательного единства церкви.

С этой целью был созван собор в Пизе. Первым действием этого собора было объявление Григория VII и Бенедикта XIII отрешенными от папства. Надеясь осуществить единство церкви, собор избрал нового папу, а именно, Александра V, который прожил всего одиннадцать месяцев.

Таким образом, оказалось трое пап вместо двух. Вот все, чего добился Пизанский собор.

Борха хотел продолжать, но дойдя до этого места своего рассказа, он издал изумленное восклицание и одновременно поднялся со своего плетеного кресла. Розаура, услышав его возглас, в свою очередь изумилась, взглянув на вход в салон.

Оба они увидели сеньора Бустаменто; за ним следовали Эстела и другая сеньора—ее тетка, застывшая место матери Эстелы и управлявшая хозяйством сенатора в Мадриде. Но Бустаменто был менее удивлен, чем Борха. Только узнав вдову Пинеда, он сделал жест удивления и, поклонившись ей, сказал молодому человеку:

— Вижу, что ты очень скоро получил телеграмму, которую мы тебе послали из Барселоны. Я не ожидал, что ты приедешь еще сегодня из Авиньона.

Борха что-то пробормотал, чтобы скрыть свое смущение, и предоставил опекуну думать, что он получил его телеграмму.

Между тем дочь и ее тетка уселись рядом с Розаурой, и Бустаменто уделил тогда богатой американской сеньоре все свое внимание.

— Как мог я предполагать, что увижу в Марселе высокочтимую и прекрасную сеньору, когда я думал, что она в Париже? Какой сюрприз! Жалею только о том, что наша встреча будет кратковременной.

Каким-то инстинктом Розаура избегала упоминать, сколько дней она провела в папском городе. О своей встрече с Борха она говорила так, будто это случилось только сутки тому назад. Молодой человек собирался остаться в Марселе в поисках новых материалов для своей книги, а она, утомившись Парижем, будет продолжать свое путешествие по Лазурному берегу.

Бустаменто, спросив у вдовы о здоровье разных южно-американских лиц, знакомых им обоим, решил, что настала удобная минута поговорить с Борха „о серьезных вещах“, предоставив дамам беседовать за чайным столиком.

— Я должен объяснить тебе причину моего приезда, — сказал он тихо. — Это было внезапное решение. Ты видел из последнего моего письма, что готовятся важные события. Мой покровитель вспомнил обо мне. Он хочет, чтобы я был послом при Ватикане, как только наша партия возьмет в свои руки власть, а это должно случиться через несколько

месяцев—быть может, через несколько недель. В Ватикане нужен человек с дипломатическим талантом, к тому же пользующийся известностью в чужих краях—особенно в Америке, и потому он вспомнил обо мне.

Борха утвердительно качал головой и в то же время улыбался двусмысленно.

— Ты знаешь моего друга Энсизо де-Лас-Казас? Он двадцать лет был полномочным послом при Ватикане. Рим он знает хорошо, все кардиналы его друзья и обедают у него. Ты знаешь также, что он много раз приглашал меня приехать с моей семьей на несколько дней в его великолепный дворец. Я все откладывал свое посещение, а теперь считаю его своевременным. На будущей неделе Энсизо дает большой бал. И все мы решили поехать в Рим и воспользоваться гостеприимством знаменитого американца. Таким образом, мне можно будет изучить сценарий, в котором мне придется играть роль.

Борха знал по имени Энсизо де-Лас-Казас. Это был южно-американский миллионер, поселившийся в Риме вследствие своих литературных наклонностей. Для большего престижа он был фиктивным представителем своей страны в Ватикане. Эти дипломатические функции *ad honorem* стоили ему очень дорого. Вдова Пинеда посещала его, когда бывала проездом в Риме. И когда говорили ей об Энсизо, она добродушно улыбалась:

— Превосходный человек, отец семейства, богат, неутомимо пишущий книги и жаждущий присоеди-

нить к своей славе дипломата некоторую беззаботность богемы.

Другие южные американцы, из зависти или соперничества, были жестоки к нему, считая его графоманом. Он ежегодно печатал том о древних итальянских городах или о папстве в средних веках, описывая с невинным апломбом то, что многочисленные авторы рассказали раньше его. Он сам был уверен, что первый сообщает обо всем этом. Разорившаяся итальянская знать составляла великолепный хор на его банкетах и приемах. Эти обедневшие патриции продавали ему всяческие древности, рекомендовали всякую гастрономию, итальянские вина и толпились вокруг него в качестве доверенных лиц по самым неожиданным торговым делам.

Знатная дворянская семья продала ему занимаемый им ныне в Риме дворец за цену, которая заставила лицемерно улыбаться их знакомых, завидовавших столь великолепной „комбинации“.

И вот эта псевдо-римская особа, родом с того берега Атлантического океана, чувствовала себя связанной с Бустаменто благодарностью. Дон Аристидес повез его в Мадрид, чтобы он прочел там несколько лекций. И полномочный посол, надев фрак, левая сторона которого была сплошь покрыта орденовыми знаками (при чем еще столько же висело у него на шее), читал в течение трех вечеров лекции о целом ряде исторических открытий, о которых многие слушатели знали давно: о Флоренции вре-

мен Медичи, о морской политике Венеции или о знаменитых артистах Возрождения.

Бустаменто на лекциях подбодрял слушателей или не допускал во всеуслышание дерзких комментариев юншества. Борха вспомнил, что присутствовал на одном из этих докладов. „Надо налаживать испано-американские отношения“,—говорил дон Аристидес. — „Мы должны быть патриотами и, вместе с тем, вежливыми людьми“. И он снова повторял свой обычный возглас: „Будущность Испании — в Америке“.

— Мы проведем несколько недель в Риме, — говорил Бустаменто. — Если бы он мог добиться этого от меня, мой друг Энсизо пожелал бы никогда не расставаться со мной. Но я приеду в Рим послом, и все уполномоченные Южной Америки в Риме будут в восторге, что Испания послала такого человека, как я, чтобы поддержать их начинания.

Сообщив все это, Бустаменто заговорил о своей семье. Эстела, его дочь, в восторге от путешествия. Тетя ее — донья Нативидес, вдова адвоката Гамбоа, или Ната, как ее звала Эстела, — хотя и была не более, чем домоправительница, все-таки умела дать чувствовать свое влияние.

Она была бедна и жила тем, что получала от своего зятя. Свою судьбу она считала несправедливой и утешалась лишь тем, что от души ненавидела всех, кого считала счастливым. Клаудио Борха она терпела потому, что считала его будущим мужем Эстелы. Последнюю она, повидимому, любила,

а Бустаменто молчаливо презирала. Его тщетные попытки стать министром были самым сладостным утешением ее разбитой жизни. А теперь, видя, что вскоре ему предстоит стать послом, она вновь поднимала глаза к небу с выражением протеста.

Тетя Ната была высокая, полная, очень смуглая дама, с большими черными глазами, маленькими, торчащими вперед зубами, с темным пушком на верхней губе и широким носом.

Предметом сильнейшей ее ненависти была вдова Пинеда, пребывание которой в Мадриде было для нее одним из самых неприятных воспоминаний. Все мужчины, в том числе и Бустаменто, казались ей презренными животными, бегающими за этой женщиной с непреодолимым вожделением. Вместе с тем она ежедневно завидовала ее драгоценностям, ее платьям и другим мелочам, беспрерывно возобновляющим ее элегантность.

Время и расстояние ослабили дурное воспоминание, а теперь, когда она чувствовала себя разбитой после путешествия по железной дороге, первый, кто ей встретился в Марселе, была эта ненавистная женщина, так сильно прославляемая ее глупым шурином и даже племянницей.

— Какой счастливый случай встретить вас здесь, да еще в обществе Клаудио! Кто мог ожидать!..

Эстела разговорилась с Розаурой о своем путешествии. Они приехали в отель после полудня. Но тетя Ната, вероятно, вследствие своего утомления, забыла в вагоне сумку, в которой были очень зна-

чительные предметы: скромные драгоценности—память о ее покойном муже Гамбоа,—ключи, деньги и бумаги, доверенные ей Бустаменто. Последний, узнав об этой потере, немедленно нанял экипаж, вернулся на вокзал и, к счастью, нашел потерянную сумку.

Все общество сидело в „холле“ в ожидании обеда. Эстела смотрела на Клаудио с робостью и желанием в глазах, напоминавших страстное и боязливое выражение маленьких зверьков, грациозных, покорных и нежных. Борха тоже улыбался ей, но не двигался с места, чтобы подойти к ней ближе.

Бустаменто выказывал юношескую подвижность, беседуя то с теми, то с другими, точно он находился в салоне у себя дома и должен был оказывать внимание всем своим гостям. Много раз менял он место и, наконец, сел между Клаудио и вдовой Пинеда, так что Клаудио оказался рядом с его дочерью.

Розаура могла слышать часть разговора двух молодых людей, в то время как делала вид, что слушает дону Аристиду. Борха спокойно рассказывал невесте о своей жизни в Авиньоне, извиняясь за то, что замедлил ответить на некоторые ее письма. Он так много занимался. Так интересно было все, что он видел.

Присутствие Эстелы вызвало в нем некоторое раскаяние в недавнем его поведении. Они расстались в Мадриде полтора месяца тому назад. Писал он ей аккуратно во время своего путешествия, не волнуясь писал о том, что видит. Затем в первые

две недели, проведенные им в Авиньоне, посылал ей письма каждые три дня. А потом не писал ей вовсе и даже забыл, что ему нужно получать на почте ее письма. Вероятно, два или три письма дочери Бустаменто и теперь ждут, чтобы Клаудио забрал их.

Его глаза сравнивали Эстелу и красивую креолку. Видя их вместе, одну рядом с другой, Борха вспомнил о некотором обычае садовников. Всегда они связывают рядом с большой розой еще неоткрывшийся бутон, который силой контраста как бы подчеркивает величественную красоту большой розы.

Бедная Эстела была бутоном рядом с великолепной розой, неопределенная надежда, все еще не осуществленная. У нее была свежая привлекательность молодости: живые глаза, нежная улыбка, волосы пепельно-белокурые, бюст несформировавшийся. Она могла в будущем сделаться красивой; могла остаться такой, какой была в настоящее время.

Эстела просила Клаудио, чтобы он с опекуном и с ними поехал в Рим. Но Клаудио отказал ей несколько резко. В настоящее время это невозможно. Он должен оставаться в Марселе. Затем он вернется в Испанию, следуя по той же дороге, по которой ехал дон Педро де-Луна в последнем своем путешествии, пока не поселился в Пенъискола.

Но, как бы раскаявшись в своей резкости, Борха обещал, наконец, Эстеле приехать в Рим, только попозже, когда дон Аристидес будет послан. Это даст ему хороший случай увидеть в Риме некоторые

места, которые не показывают всем вообще посетителям.

Великий человек, будущий посол, с своей стороны отвечал, хотя и очень вежливо, но отрицательно, на приглашение вдовы Пинеда.

— Невозможно, искренно жалею, что не могу принять ваше, столь ценное, приглашение. С величайшим наслаждением провели бы мы несколько дней в вашей великолепной вилле на Лазурном берегу, о которой мне рассказывали чудеса. Но мой приятель Энсизо ждет нас еще до будущего четверга. Мы должны продолжать свое путешествие завтра рано утром, поэтому и оставили свой багаж на вокзале. Когда мы, немного погодя, вернемся из Рима, позволю себе сделать вам визит, если вы еще будете в вашем Средиземном дворце. Тогда я, надеюсь, буду уже послом, и вам придется называть меня „ваше превосходительство“, как принято в высокой дипломатии!

И Бустаменто иронизировал немного над должностью, которой он так пламенно добивался, с той лицемерной скромностью власть имущих, соизволивших для близких своих сойти с пьедестала земного величия, которым они гордятся.

Все вместе вошли в столовую и сели за один и тот же стол. Донья Нативидес во время обеда бывала менее желчна. Бустаменто заметил, что она всегда более любезна с вилкой в правой руке. Пища, казалось, ее укрощала и производила на нее действие, подобное тому, которое музыка производила на зверей в мифологические времена.

Она просила Розауру сообщить подробности о модах и последних обычаях в Париже. Это ей пригодится, когда она вернется в Мадрид, чтобы поразить своих знакомых, давая им понять, что она жила в постоянном общении с людьми так называемого „большого света“. Она выказала завидный талант модистки, делая вопросы, которые приводили в смущение креолку.

— Не знаю,—отвечала та скромно.—Я ограничиваюсь тем, что покупаю вещи, если они мне нравятся. Не знаю, как их делают. Я совершенная ту-пица в этом отношении.

Когда тетя Ната насытила свое любопытство относительно мод, она спросила о здоровье двух сыновей вдовы Пинеда:

— Должно быть, они теперь уже очень выросли? Где они находятся? Часто ли вы их видите?

Сеньора Нативидес настойчиво продолжала говорить о детях Розауры. После обеда, когда все снова уселось в „холле“, враждебная энергия тети Наты внезапно утихла. Она сразу почувствовала утомление и сидела неподвижно в своем кресле, с глазами, широко раскрытыми и округленными, не отрывая их от богатой сеньоры, хотя и не говоря ни слова. Казалось, она спала и время от времени поддакивала движениями головы тому, что говорили Розаура и Эстела, не понимая, в чем дело, хотя это был все тот же разговор о модах и других парижских вещах.

VIII

ГДЕ ВПЕРВЫЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ГЕНЕРАЛ- ДОКТОР

Бустаменто, рьяный курильщик гаванских сигар, закурил одну из них, отойдя подальше от сеньор вместе с Клаудио Борха, который отказался от предлагаемых ему его тестем сигар.

В радужном настроении, которое дали ему хорошее пищеварение, и перспектива спать в мягкой постели после двух ночей, проведенных в железнодорожном вагоне, дон Аристидес обращался к молодому человеку с товарищеской фамильярностью, словно оба они были одного и того же возраста. Его шаловливый взор напомнил Борха взоры некоторых старых сенаторов, которые в конце банкета, смакуя кофе и рюмочку ликера, говорили ему: „Теперь, когда мы, мужчины, одни между собой, поговорим, молодой человек, немного о женщинах“.

Бустаменто выказывал такое же возбуждение, как в Мадриде, когда его посещал какой-нибудь из американцев, который ему рассказывал о скандалах в семьях его друзей и соотечественников. Он

указал глазами на знатную и прекрасную свою приятельницу и спросил, как Клаудио встретился с нею в Авиньоне, когда она ехала из Парижа:

— Ехала она одна? Не был ли с нею американец по имени дон Рафаэль Урданета?

И узнав, что Розаура ехала на Лазурный берег одна, он улыбнулся самодовольно, точно угадывал причину:

— Должно быть, они в ссоре. Мне рассказывали, что теперь они часто ссорятся. Многие думают, что у них все скоро кончится.

Борха выразил желание узнать, кто такой был Урданета, имя которого он иногда слышал. И президент „Братства Испано-Американцев“ оказался скандализированным таким его невежеством.

— Он великий человек в своей стране, выдающийся представитель добродетелей и пороков нашей расы. Очень жаль, что арена, на которой он по рождению своему должен вращаться, такая незначительная. Если бы он жил в одной из больших республик, о нем говорили бы газеты всего мира. Герой других времен, этот генерал-доктор.

Бустаменто замолк на минуту и, боясь, чтобы молодой человек не счел его слова гиперболой, поспешил добавить:

— Урданета не из наших, но это не мешает мне видеть его таким, каков он есть. Было бы несправедливо утверждать, что он не любит Испании. Когда он был в Мадриде, я устроил празднество в его честь. Более всего он восхищается боем быков и андалузскими танцовщицами. Заметив, что он ску-

чает, я подошел к нему. На мой вопрос он откровенно ответил: „Видите ли, доктор, и тут все то же, как и в моей стране; в больших размерах, но все то же. Не стоило труда переплывать моря, чтобы видеть одно и то же“. Ему нравятся Париж, Лондон, Берлин... а больше всего Париж. Он спал столько раз в страшную непогоду на открытом воздухе и терпел столько лишений, когда воевал в лесах, что в виде компенсации ему хочется жить в городах с миллионами жителей, видеть женщин, украшенных драгоценностями, быть одетым во фрак ежедневно в семь часов вечера.

Затем Бустаменто стал рассказывать о жизни этого эксцентричного и циничного человека, влюбленного в славу и одновременно скептика, неутомимого расточителя денег, гордость и бедствие маленькой республики, в которой он родился.

Эта страна, как и другие в Америке, с немногочисленным населением и находящаяся в непрерывной войне, имела свой властвовавший класс, разделенный на две группы: группу генералов, ловких в маневрировании меча кентавров, жестоких и безграмотных, с некоторой способностью к игре на гитаре и импровизации стихов в молодости, и класс докторов или лиценциатов, серьезных людей с изысканной речью и торжественным тоном, которые даже у себя дома носили, несмотря на жару, черный сюртук и претендовали управлять страной, как гражданская власть.

Урданета поднялся над обеими партиями, сделавшись генералом в одну из революций и получив

докторскую степень в университете одной из соседних республик.

Его сторонники называли его нарицательным титулом: „генерал-доктор“. Он маг и волшебник, который, казалось, располагал волей людей, чаруя их своим словом. Ему достаточно было проехать верхом по лугам с несколькими друзьями, чтобы через неделю-другую очутиться во главе целой армии, громко, с верой фанатиков кричавшей: „Да здравствует генерал-доктор!“

Бустаменто описал его наружность. Этот красивый человек обладал красотой других времен. В Европе он всегда одевался по лучшей мужской моде. Но многие представляли его себе в панцире, с шлемом на голове, в то время как они видели его во фраке и в белом галстуке. Он не брился, а сохранил бороду, курчавую, волнистую, иссиня черную, доходившую ему до груди. Это украшение, обычное несколько лет тому назад, теперь в ресторанах и салонах привлекало к нему женские взоры. Казалось, что его окружала атмосфера учтивой жестокости, мужественного зверства. Он старался скрыть свое отсутствие совестливости и всепоглощающую жажду жить, прибегая ко всякого рода галантным формулам или рыцарским утверждениям в его обращении с женщинами и мужчинами.

Он жил в Европе, разбрасывая во все стороны деньги, как восточный князь, и его страна брала на себя обязанность оплачивать эту расточительность. Он ни за что не соглашался быть президентом своей республики. Это принудило бы его оставаться дома

и удовлетворять всех своих сторонников, теряя свой сказочный престиж, если б его видели вблизи. Генерал доктор предпочитал создавать из ничтожных людей президентов, преданных ему, с обязательством исполнять все просьбы, с которыми он обратится к ним из Парижа. Иногда они оказывались столь солидными, что правительство не могло исполнить их. А иногда его ставленники, желая выйти из-под его воли, начинали работать на себя самих, зная, что он далеко.

В таких случаях Урданета прибегал к интервенции. Он уезжал из своего маленького отеля, близ Булонского леса, словно ехал на охоту, высаживался на берег своей родины, и две или три тысячи человек немедленно собирались вокруг него, крича „виват“ генерал-доктору, довольные тем, что начинается новая война.

Он оправдывал свое появление во имя свободы и прогресса. Правительство вело страну к постыдной реакции, и он не мог этого стерпеть. Когда же те, которые отказывали в повиновении ему, были популярными людьми, желающими освободить народ от его опеки, Урданета ссылался на принцип порядка и собственности — священных принципов, которые демагоги ставили в опасность. Так или иначе все кончалось быстрым походом и триумфальным вступлением в столицу победоносного вождя, всегда во время являвшегося для спасения своего отечества... И Урданета, снова поставив президентом своего доверенного приятеля и не желая принимать на себя верховную

власть на своей родине, возвращался в Европу в качестве скромного гражданина.

Тщетно его враги пытались убить его, или ласкали себя надеждой взять его в плен и расстрелять его в одно из его выступлений. Казалось, какая-то необычайная сила охраняла его. Люди умирали за него, или спасали его от всякого рода опасностей. Когда кто-нибудь из близких изменял ему и переходил к его врагам, это настораживало других, верных ему людей, и предателя тотчас убивали неожиданно для него.

— В Европе,—продолжал Бустаменто,— принято смеяться над этими маленькими революциями в Америке и над их вождями. Действительно, когда их видишь на расстоянии и из безопасного места, они кажутся смешными. Но если смотреть на них вблизи, они—нечто совсем другое, и даже самые отъявленные шутники делаются серьезными. Там жизнь человеческая не имеет вовсе цены. Сколько умерло людей за генерала-доктора! Сколько он расстрелял!.. Это однако не мешает тебе, когда ты увидишь Урданета, увлечься им, как любой из его сторонников. Он „джентльмэн“, лучше сказать, рыцарь древних времен, сантиментальный, неслыханной любезности, способный принести самые большие жертвы для тех, с которыми познакомился. Но за всем этим угадываешь нечто угрожающее, не дающее жить рядом с ним с полным спокойствием. Он тратит, не считая, делает причастными к своей расточительности всех, кто близок к нему, любит звать к себе в гости и слишком рассеян, чтобы помнить, что его и что при-

надлежит другим. Когда правительство его страны не может прислать ему денег, он налагает на него контрибуцию, отыскивая дела в Европе и в Северных Штатах. Продает всякого рода концессии банкам и частным лицам, уступает серебряные рудники и источники нефти, которых он никогда не видел, и часто это—фантазия жителей той страны, больших изобретателей небывальщины, как все индейцы.

Борха выразил некоторое нетерпение. Довольно он наслушался об Урданета. Может узнать его после такого описания. Желал бы услышать нечто большее. Какие отношения у него со вдовой Пинеда?

Дон Аристидес заговорил тоном терпимости и доброты.

— Было неизбежно, чтобы и тот и другая кончили любовными сношениями (назовем их так) в виду того, что они оба самые выдающиеся и восхваляемые люди среди испанцев, живущих в Париже. Наша прекрасная дама — представительница изящества, и солидного богатства; Урданета — представитель героических приключений, денег, текущих как вода некоторых фонтанов. Аргентинка начала с того, что стала смеяться над генерал-доктором. Она гордилась своей родиной, свободной от революций, наслаждающейся ненарушимым миром и изобилием. „Республика“ этого человека, о котором все говорили, была куда меньше, чем самая крошечная провинция Аргентины. Но, постоянно встречаясь с Урданета на вечерах и приемах в Париже, Розаура кончила тем, что поддалась его влиянию и подчинилась ему, как

многие другие женщины высшего общества: артистки и знаменитые кокетки, прельщенные его денежной щедростью, или его надменностью мужчины, уверенного в своей силе. Розаура благоразумно скрывала эти свои отношения с ним, но ни она, ни ее любовник не могли жить целые дни, скрываясь от любопытных глаз. Сверх того, пламя их страсти, очень пылавшее в первые месяцы, заставило их часто совершать немало неосторожностей. Пока они оставались в Париже, им легко было скрыть свою интимность; но совместные длинные путешествия в конце концов делались общим достоянием. Розаура, казалось, не любила никогда раньше: так велик был ее антузизм.

Любовь эта продолжается -и до сих пор, но в другом виде: без доверия и с постоянной сменой ссор и примирений ревности. Красивая креолка начинает видеть Урданета в ином свете. Она не может таять перед генерал-доктором, подобно европейским женщинам. Эта сеньора из тех же стран и лучше всех оценивает его. Думаю, что когда они ссорятся, она бросает ему в лицо, что его „республика“ до смешного мала. „Я родом из большой республики: я аргентинка“. Мне даже говорили, но я не знаю, верить ли этому, что иногда в их ссорах у человека „республики“ лопалось терпение, и она бежала от него на некоторое время. Затем возвращалась вновь. Повидимому, ей нравятся характеры сильные, мужчины истинно мужественные, и она вновь идет к своему герою со всеми его недостат-

ками. В сущности, они живут подобно многим законным супругам. Устав от своего счастья, он часто изменяет ей; она живет, терзаемая непрерывной ревностью или же выказывает ему пренебрежение, которого она не чувствует. Они воюют, сходятся, покидают друг друга и снова сходятся. Если б от него зависело, Урданета был бы давно ее законным супругом. Брак с богатой креолкой укрепил бы его финансовое положение. Но вдова знает, что случилось бы с ее состоянием после такого брака, и знает также власть „серебра“ оттого, что она родом из страны, где „серебро“ имеет больше значения, чем в других странах. И не желает видеть себя разоренной, предпочитая свое нелегальное положение, которое ей все прощают.

Шум отодвигаемых стульев побудил великого человека замолчать и повернуть глаза туда, где сидели сеньоры.

Тетя Ната почувствовала, что пружина ее воли ослабела, и она с широко открытыми глазами уронила голову на грудь. Эстела извинилась. Обе они очень устали, и донья Ната из-за своих лет не может побороть утомления.

Этот намек на ее возраст, казалось, разбудил тетю Нату, сообщив ей агрессивную живость. Но, наконец, она подчинилась желанию молодой девушки, уговаривавшей ее удалиться в их комнаты.

Они простились с Розаурой. И креолка со своей стороны тоже высказывала нетерпение, бросая искоса взгляд на пакет, несколько минут тому назад поло-

женный швейцаром на стол. Три женщины расцеловались, выражая надежду вскоре увидеться, хотя сеньора Пинеда и тетя Ната не чувствовали большой охоты вскоре снова встретиться. Приглашение Розауры было принято: они посетят аргентинку в ее вилле на Лазурном берегу, когда дон Аристидес будет послом в Риме.

— Теперь идем спать,—сказала Эстела тетке.— Помни, что завтра в девять часов утра мы должны продолжать наше путешествие.

Оставшись одна, Розаура поспешила открыть пакет, лежавший на столе. Так велико было ее нетерпение, что она забыла о двух мужчинах, которые продолжали беседовать в глубине „холла“, не теряя ее из глаз.

В пакете оказались большие и маленькие конверты, почтовые карточки—вся корреспонденция из ее виллы, доставленная ей туда во время ее путешествия и высланная сюда ее горничной.

Она лихорадочно рассматривала письма, отбросила в сторону каталоги мод, извещения парфюмерных и ювелирных магазинов. Она разглядывала с обеих сторон почтовые карточки, потом сделала жест разочарования... Ничего!

Знаменитый адвокат, считавший себя очень ловким в угадывании самых запутанных положений, благодаря своей интуиции, сказал спокойным тоном:

— Несомненно, она ждала письма от Урданета, в котором он просил бы у нее прощения и предлагал еще раз помириться. А письма этого нет... Я почти уверен, что она рассталась с генерал-доктором.

IX

ОТЪЕЗД РОЗАУРЫ НА ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ.

Было около полудня, когда Розаура сошла в салон. Борха ждал ее там, перелистывая без всякого интереса несколько запоздалые газеты и журналы, лежавшие на столе. Он поспешил поклониться ей.

Он провожал дону Аристиду и его семью на вокзал. Погода была плохая. Поднялся мистраль, изменивший физиономию Марсея.

Хозяева кофейных на улице Каннебьер имели вид капитанов судов, делающих маневры. Команда служителей ошвартовала маркизы крепкими веревками—совсем, как на парусных барках. Затем стали укреплять подпорками стеклянные ширмы на террасах, чтобы их не разбил ураган. На почерневших волнах Пуэрто Вьехо одинаково металась все суда,—большие и малые. Ветер извлекал сор и обрывки бумаг из углов улиц и кружил их спиралью.словно выстрелы, раздавались удары маркиз, когда их закрывали. И весь этот свирепый циклон налетел мгновенно, при ясном небе, ярко лазурном и совершенно безоблачном.

Розаура проснулась очень поздно, после плохо проведенной ночи. Она приписывала свое нервное возбуждение перемене атмосферического давления. Ее лицо, похудевшее и бледное, с синевой под глазами, говорило о бессонных ночных часах. К тому же и мистраль увеличивал ее нервность.

— Как несносно оставаться здесь взаперти целый день! Завидую сеньору Бустаменто и его семье: они догадались во-время уехать. Я бы не прочь сделать то же самое... Пусть этот ураган продлится еще только три дня,—я все равно предпочитаю вынести его в дороге. Мне нужно проехать лишь шесть часов автомобилем, и я—у себя.

Борха поспешил успокоить ее своим оптимизмом. Быть может, это—ложный мистраль, и он прекратится после полудня. Следует пренебречь его свирепостью и пойти в ресторан, славящийся своими старо-провансальскими кушаньями.

Они вышли из отеля, но, пройдя несколько шагов по улице Каннебьер, прекрасная креолка испугалась и моментально повернула назад. Струя холодного воздуха ударила ей прямо в лицо, и она почувствовала, как ветер сковал ее всю ледяными колечками. Ей показалось, что кто-то срывает у нее с головы шляпу. Ей пришлось обеими руками придерживать раздувшуюся юбку. А когда она вскрикнула от изумления, ей показалось, будто ветер наполнил ей рот комком ледяной ваты. Борха последовал за ней, смеясь над ее испугом.

— Невозможно! — сказала она. — Предпочитаю скуку в отеле. Позавтракаю здесь, и вы со мною.

Они поместились за столиком в „холле“ и, немного погодя, Борха, сам не зная как, намекнул на плохую ночь, которую она провела. Несомненно, у нее большие неприятности. Быть может, она ждала известий, которых не получила? Уж не тревожат ли и ее любовные страдания?

Розаура, повидимому, была раздражена, услышав такие предположения, и сердито посмотрела на юношу.

— На ваш взгляд у меня нет иных забот в жизни, как только мужчины и их ухаживания? Вы забыли, что я—мать двоих детей и думаю о них ежечасно!

Помолчала минуту и добавила энергично:

— Слушайте, Борха! Если вы желаете, чтобы мы оставались друзьями, не говорите мне о любви, не намекая на других, ни имея в виду себя самого. Ясно, к чему привели бы наши разговоры, если бы мы их продолжали. Я бы выслушивала ваши объяснения в любви, не знаю, в каком количестве, так как с вами совершенно невозможно остаться наедине, чтобы вы тотчас же не заговорили о любви и о „нашем будущем счастье“, от которого я настойчиво отказываюсь. Вот уж пылкий испанец! Вспомните Эстелу—вашу будущую супругу, и пусть это вас успокоит. Если бы вы видели, что происходило у меня в душе, когда мы вчера вечером сидели здесь. Я ничего дурного не сделала и тем не менее чувствовала раскаяние, сидя рядом с вашей невестой, этой бедняжкой, и вспоминая, что вы, величайший

лицемер, признавались мне много раз в любви с того времени, как мы встретились с вами в Авиньоне. Seriously, Клаудио, я не желаю больше испытывать чувство стыда из-за вещей, которых я никогда не думала делать. И если вы, оставаясь наедине со мной, будете продолжать вести себя так же, как раньше, то лучше уходите, прошу вас.

Но она тотчас же сбросила с себя свою задорную серьезность и, улыбаясь, добавила:

— Или вы удалитесь тотчас же, или пообещаете мне беседовать спокойно, как с товарищем. Согласны? Хорошо, вы можете оставаться, но не будьте из-за этого в плохом настроении. Говорите, рассказывайте интересные вещи, сообщите, что случилось с вашим дном Педро, когда он увидел из своего убежища в Арагонском королевстве полчище врагов и должен был бороться с двумя соперниками папами. Я хочу знать, чем кончилась эта война трех первосвященников.

Борха стал рассказывать, но уже с гораздо меньшим энтузиазмом. На севере Европы появилось новое лицо с намерением положить конец церковному расколу. Это был молодой еще человек, Сигизмунд, король Богемии, сын Карла IV, которого Германия избрала своим императором.

— Быть императором римским или императором германским,—продолжал Клаудио,—составляло лишь почетное звание, чисто театральное наследство древней власти цезарей. В действительности же эта империя кончилась с Карлом Великим. Сигизмунд владел

в сущности лишь одним венгерским королевством. Но он сумел внушить к себе доверие тех, кто его окружал, и мечтал прославиться, уничтожив церковный раскол, который продолжался уже тридцать семь лет.

Сигизмунд в согласии с Иоанном XXIII, папой, избранным на соборе в Пизе, созвал всемирный церковный собор в городе Констанце. Больше ста тысяч человек и тысяч тридцать лошадей пришлось ежедневно содержать в Констанце. Уступая угрозам собора, папа Иоанн XXIII обещал отказаться от папского престола и возвратить мир церкви. Но несколько дней спустя, в то время, как в центре города праздновались большие турниры, некий старик, одетый конюхом, верхом на кляче, с закрытым лицом, пробрался по улицам с вожак-мальчиком, который довел его до городских ворот, не зная кто он такой. Вот каким образом папа Иоанн скрылся из Констанцы, чтобы спастись от своих врагов, требовавших от него немедленного и полного отречения.

29 мая 1415 г. собор отрешил его от папского престола. Посланная за ним депутация нашла его на немецком берегу Констанцкого озера, где он укрывался, и прочла ему приговор собора. Иоанн подчинился и прожил три года изгнанником в Германии, подвергаясь там всяким оскорблениям. В горькой своей участи он утешался, сочиняя латинские стихи об изменчивости человеческой жизни. Второй папа, долго скитавшийся Григорий XII, тоже отрекся от папской короны. Таким образом, из трех пап остался только один Бенедикт XIII. Но с ним ничего не могли

поделать ни хитростью, ни интригами, ни угрозами ни собор, ни Сигизмунд.

Затем Клаудио заговорил о личности, героическое имя которой осталось навсегда соединенным с воспоминанием о Констанцском соборе. Это был знаменитый ректор Пражского университета, Иоанн Гусс. Его учитель Виклеф, родом англичанин, не подвергся личному гонению, хотя книги его были все сожжены. Имея от короля Сигизмунда охранный лист, Гусс, окруженный учениками, обыкновенно проповедывал на площадях и имел намерение говорить публично на соборе. Церковная власть арестовала его и посадила в тюрьму. Ему предъявили 42 пункта обвинения. Пять дней продолжалась дуэль между совершенно одиноким человеком и князьями церкви, старавшимися заставить Гусса отречься от своих убеждений, но это им не удалось, и после суда собор, как известно, сжег Гусса на костре.

В час пополудни Клаудио прервал свой рассказ, чтобы отправиться с Розаурой в столовую отеля. В серой скуке этого закрытого помещения, с окнами, стекла которых дрожали от порывов ветра, им вспомнился их завтрак накануне, на берегу Средиземного моря, откуда им видны были парусные суда в Пуэрто Вьехо, пароходы, дающие знать о своем выходе в море. ревом сирен, дамбы, пахнувшие раковинами, фруктами, и обширный лазурный горизонт, манящий к путешествиям.

Борха снова заговорил об оливковых и апельсиновых рощах на испанском побережье Средиземного

моря: Он завел речь о Пеньискола, выдавшейся в море, точно каменный корабль, о римских и циклопических постройках Таррагоны, ширине его улиц, и пробковых рощах деревьев каталонских гор, и о древнем испанском городе Перпиньяне с его собором и элегантными крепостями из кирпичей розового цвета.

Молодой человек описывал, не спуская глаз с креолки, желая, чтобы она ответила, и в то же время боясь слов, которые она произнесет. Наконец, она заговорила:

— Все эти прекрасные места вы увидите один, Борха. Я не буду сопровождать вас. Теперь я поняла, как была безумна, когда согласилась сделать вместе с вами это путешествие. Чего только не наобещаешь после хорошего завтрака!

Тщетно продолжал он упрашивать ее. Ведь все это путешествие займет всего лишь две недели, не больше. Она увидит Испанию, совершенно незнакомую. Розаура не знала вовсе испанского берега со стороны Средиземного моря, той местности, которая родила столько изумительных легенд, относящихся к эпохе первых мореплавателей—критян, финикийцев, греков. Розаура продолжала отрицательно качать головой.

— Нет, я не поеду в Испанию с вами. Вчера вечером, разговаривая здесь с семьей дона Аристидес, я внутренне смеялась над проектом совершить вместе с вами это путешествие: таким нелепым казался он мне. Донья Ната, эта почтеннейшая ведьма, напо-

мнила мне, что такое наше общество. Мы встретили бы там многих доний Нат. Вы для меня не больше, как друг, но я уверена, что все позволили бы себе самые смелые предположения. Нет, Клаудио, я ни за что на свете не поеду с вами. К тому же вы представляете собою для меня и другую опасность. Держите себя скромненько, хорошо воспитанным человеком, а потом внезапно проявляете отвагу, заслуживающую пощечины. Да, я знаю, что такое любовь, но это не значит, что во имя чьей-то любви ко мне я должна сносить от этого человека то, что считаю проявлением недостатка уважения.

Борха горячо протестовал, настаивая на том, что будет серьезен и благоразумен в будущем путешествии.

— Даю вам слово и клянусь вам, что вы не будете иметь причин жаловаться на меня. Вы научили меня новым правилам жизни. Я верю теперь, что мужчина и женщина могут быть друзьями и бывать всюду вместе без того, чтобы их мирную дружбу смущали дурные помыслы. Будьте логичны. Вспомните, что вы мне сказали, когда мы возвращались с прогулки к фонтану в Воклюзе: „Не могут разве двое лиц разного пола жить, как простые товарищи, храня каждый про себя свои тайны и свои привязанности?“

Розаура слушала, улыбаясь пассивно, как бы не имея силы спорить с ним, и отвечала отрывочными фразами на его настойчивые просьбы.

— Увидим... Не знаю, что мне делать... Быть может, я соглашусь... Я подумаю об этом до завтрашнего утра.

Он испугался, срок показался ему слишком долгим; он продолжал настаивать.

— Хорошо, да... Сделаем с вами это путешествие.

Она сказала это слабым голосом, без энтузиазма, словно желая положить скорее конец разговору.

После завтрака они пробыли еще вместе в „холле“ с полчаса. Затем Розаура поднялась к себе, в свои комнаты. Она будет читать книжку стихотворений Петрарки, которую купила накануне, и, быть может, если вечером ослабнет мистраль, они с Клаудио выйдут пройтись по главным улицам. А он пока может заняться посещением разных букинистов, предлагавших ему редкие экземпляры сочинений о жизни и нравах в Авиньоне во времена пап.

Клаудио провел весь вечер, рассматривая старинные книги, глотая их пыль и разговаривая с книгопродавцами, которые восхищались древним Провансом и пыл библиофилов и археологов совмещали с алчностью коммерсантов.

Когда вечером он вернулся в свой отель, портье передал ему письмо.

— От синьоры из № 2. Она уехала после обеда в своем автомобиле и поручила мне передать вам это письмо.

Борха дрожащими пальцами вскрыл конверт, чтобы прочесть несколько строк, несомненно, написанных наспех.

Розаура уехала к себе домой в свою виллу, на Лазурном берегу, и давала ему понять, что не желает,

чтобы он следовал за нею. Когда-нибудь они, наверное, увидятся. Мир менее велик, чем это думают люди. Пусть продолжает свое путешествие один. Это будет полезней для его занятий.

И гнев молодого человека был так велик, когда он прочел эти последние строки, что он одобрил ее решение. Да, лучше ему забыть о встрече в Авиньоне. Лучше продолжать свое обычное существование несвязанным с женщиной, принадлежавшей к другому миру.

Х

ОТЪЕЗД КЛАУДИО В ПЕРПИНЬЯН И ПЕНЬИ- СКОЛА

Клаудио уехал в Перпиньян, где он задержался, точно у него не было силы удалиться за границу или страны, где жила Розаура.

Часть первой ночи он провел в отеле, исписывая страницу за страницей. Начал он это письмо с твердым намерением разорвать его после того, как кончит. Он чувствовал, что должен изложить на бумаге все, что он думал с самого Марселя. Но, кончив писать письмо, он лег спать, оставив письмо на столе. Разорвет он его на следующий день.

Проснувшись, прочел написанное, вложил в конверт и бросил в почтовый ящик письмо, адресованное на имя мадам Пинедо, в ее виллу на Лазурном берегу.

Борха предвидел, что в следующие дни он только это и будет делать, отмечая места остановок непрерывным рядом объемистых писем, или простых почтовых карточек, смотря по значительности местностей, где останавливался поезд.

Он поспешил уехать из Марселя, где его преследовали воспоминания. Они жили здесь под одним кровом, во всех ресторанах, в которых они побывали, имелся стол, о который опирались руки и восхитительный бюст Розауры. Лучше переехать в другое место, где она никогда не была.

Но все было тщетно. Прекрасная креолка сопровождала его; даже исторические его воспоминания, и те вызывали ее образ. Он не мог думать о доне Педро де-Луна, об Авиньоне, или о Великом Расколе, не вспоминая одновременно и аргентинку. Последний авиньонский папа и синьора де-Пинеда были соединены в извилинах его памяти.

Он пробыл два дня в Перпиньяне, воскрешая прошлое кругом „Кастильет“, изящной крепости из розоватых кирпичей, собора, полного испанских воспоминаний, и древнего замка на вершине холма.

Здесь развернулся самый кульминационный эпизод истории Великого Раскола.

После того, как сожгли на костре Иоанна Гусса, поверившего в охранную грамоту императора Сигизмунда, этот последний отправился к королю Аррагонскому, чтобы сговориться с ним, как им подчинить себе не покорившегося еще папу Луна. Свидание должно было произойти в Ницце, но серьезная болезнь короля Фердинанда не позволила ему сделать такое продолжительное путешествие, и решено было устроить это свидание в Перпиньяне, на территории Аррагонии. Три двора—папский, императорский и короля аррагонского—сошлись в Перпиньяне.

На другой же день по своем приезде Сигизмунд пожелал иметь свидание с папой. Педро де-Луна развернул для его приема всю роскошь прежнего своего двора в Авиньоне.

Теперь папе было 88 лет. Невообразимо худой, бледный, бескровный, он казался призрачным. Но в глазах его отражался пыл интенсивной жизни, и голос его поражал необычайной звучностью. Ясность его рассуждений, сила его ума казались изумительными. Этот старик, почти девяностолетний, в канонических спорах побеждал молодых и рьяных докторов богословия.

В Перпиньяне Педро де-Луна говорил по-латыни целых семь часов в присутствии императора, князей, посланников и всех делегаций из самых знаменитых университетов в Европе.

В этой многочасовой речи он рассказал всю историю раскола, как только один он мог это сделать. Он был единственным, оставшимся в живых из тех, что были свидетелями начала раскола.

Старик говорил, устремив глаза на разные группы многочисленного собрания. Враги склоняли голову, друзья смотрели на него с восторгом. Но примирение оказывалось невозможным, и все доводы этого сильного полемиста были бесполезны. Сигизмунд не мог согласиться; чтоб папа был испанского происхождения, и притом признать Авиньонского папу значило порвать с констанцским собором.

Когда Луна узнал, что и арагонский король присоединился к императору Сигизмунду и требует

его отречения, он ответил гордым молчанием и тотчас направился в порт Колльюр, где его ждали две галеры. Увидав пренебрежение со стороны тех, кто до того дня были самыми верными его сторонниками, он отрекся от людей и удалился на небольшой клочок земли, принадлежавший ему, бесспорно только ему: маленький полуостров Пеньискола с его небольшой прибрежной крепостью. Там ему можно будет жить под защитой Средиземного моря, вдали от королей, имеющих притязания из честолюбия или политики закабалить его волю; там он будет бороться за свое право, которое считал более бесспорным, чем когда-либо, а его упорство послужит уроком для его противников и вызовет у них угрызения совести.

Когда Борха открыл маленькое окно у себя в комнате, он увидел почти у самых ног своих море, окрашенное розовыми лучами зари.

Клаудио в Пеньискола. Целых пятнадцать дней употребил он на то, чтобы добраться сюда, останавливаясь во всех городах, где жил папа Луна в течение последнего периода своей полной волнений жизни.

Клаудио не торопился добраться до конечного пункта своего путешествия. В Пеньискола умер девяностолетний папа, и Борха кончит здесь свою книгу. А затем в его жизни появится пустота, внушавшая ему некоторый страх.

Из Барселоны, Арагоны и Тортоса он продолжал посылать письма вдове Пинеда в ее виллу на Лазурном берегу. Он не надеялся получить ответ

на этот письменный монолог. Писал он, чтобы писать, чувствуя необходимость излагать в длинных письмах или в нескольких, спешно набросанных строках на почтовых карточках, свои впечатления, и свою тоску по ней: а иногда и робкую, сдержанную горечь по поводу того, что он называл „бегством из Марселя“.

В этих письмах скитальца он избегал всяких упоминаний об адресе, по которому она могла бы ответить ему. Что бы она написала? Какое-нибудь любезное, но лишенное непосредственности письмо сеньоры большого света, которая, взяв в руку перо, боится как бы слова ее не были ложно истолкованы. Он предпочитал писать без надежды на ответ, как бы обращаясь к женщинам-призракам, которых он в первые дни своей юности мысленно боготворил.

Приехав в Пеньисколу, он надумал было поселиться в ближайшем от нее городке Беникарло. Тут он мог найти скромную гостиницу, посещаемую коммивояжерами и продавцами местного вина, настоящий дворец по сравнению с домами в Пеньискола. Но разделявшие оба городка километры солончаков и апельсиновых рощ, с дорогами, часто обращавшиеся в трясину, заставили его поместиться в древнем папском городе, бедном и монотонном, населенном исключительно рыбаками и бедными крестьянами.

Два дня не более прожил Борха в последнем убежище папы Бенедикта, а ему казалось, что он уже пробыл там множество месяцев.

В замке на холме жил в течение восьми лет, продолжая оставаться на своем престоле, всеми брошенный папа. Несмотря на последнее обстоятельство он до последнего дня внушал страх тем, которые делали вид, будто пренебрегают им.

Когда дон Хаиме, король аррагонский, завоевал Валенсию, он отдал Пенъискола Тамплиерам, а после того как орден их был уничтожен, укрепленный морской замок перешел к ордену де-Монмеза, только что учрежденному аррагонскими монархами с тем, чтобы они сражались с андалузскими маврами, охраняя Валенсийскую границу.

Глава ордена уступил Бенедикту XIII Пенъискола и его замок. Папу окружала в Пенъискола только небольшая группа старых друзей, оставшихся ему верными. Войско аррагонского короля расположилось лагерем на берегу моря, неусыпно наблюдая за Пенъискола, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти из города и не мог снабдить его жителей съестными припасами. Только когда, после смерти Фердинанда, его сменил Альфонс его сын, — тот допустил свободный пропуск всяких припасов на полуостров.

Папа Мартин V, избранный вскоре, был очень озабочен тем, что Бенедикт XIII все еще жив. Чтобы покончить с ним раз навсегда, он послал в Аррагонию одного из самых близких к себе доверенных лиц, кардинала Адимари. Кардиналу было поручено вырвать с корнем раскол в тех местностях, где он еще сохранился; уничтожить Бенедикта, каким бы то ни было способом, сообразно с политическими тео-

риями того времени, признававшим законными государственные преступления.

Адимари вскоре убедился, что взять дон Педро в его убежище было невозможно. Сначала Бенедикту делали самые блестящие предложения от имени Мартина V. Но старец еще раз повторил, что он законный папа и не может принять никакого подарка и никаких милостей от своих врагов. В своем уединении дон Педро продолжал ждать торжества справедливости.

Тогда кардинал Адимари считал, что настало время свести со сцены долголетнего врага.

Как все очень старые люди, дон Педро был весьма умерен в еде, но любил сладости. После обеда он обыкновенно уходил в маленькую одноэтажную башенку, из окон которой виднелось Средиземное море. Там, сидя в кресле, он созерцал лазурную бесконечность и комбинировал разные морские экспедиции против своих врагов.

На столе рядом с папой ставили ящички со сладостями. К этим ящичкам прикасался только его доверенный камереро, который всегда хранил их под замком.

Камереро этот был старый каноник из Сарагоссы, которого звали Доминго Далава.

Монах Паладио Калвет вошел в заговор с Далава и передал ему дозу мышьяка, доставленного, как он потом сознался, когда его пытали, самим легатом кардиналом Адимари.

Старец съел, как всегда, свою порцию сладостей, и вскоре почувствовал симптомы отравления. Все думали, что он умрет, но этот необычайно живучий человек был спасен после нескольких часов обмороков и рвоты. Через несколько дней Бенедикт поправился, и никто не подозревал отравления и не исследовал сладостей.

Но камереро Далава неосторожно выдал самого себя. Попытка отравления была до того явная, что все возмутились, даже враги папы. Следствие и процесс не оставили никакого сомнения в вине делегата Мартина V. Далава обвинял монаха, передавшего ему яд; а монах заявил, что получил его от кардинала Адимари. Монаха присудили к сожжению на костре, что и было исполнено.

После этой попытки отравления враги Педро де-Луна оставили его в покое. Казалось, что папаморепплаватель так же вечен, как и море.

XI

О ТОМ, КАК СЕНЬОРА ДЕ-ПИНЕДА СДЕЛАЛА МАЛЕНЬКИЙ КРЮК ПО ДОРОГЕ В ПАРИЖ

Широкая красочная аллея спускалась к Средиземному морю. Это был непрерывный ряд цветущих плоскогорий, покрытых голубыми, красными, фиолетовыми, желто-золотистыми цветами; они кончались только в скалах побережья.

А по ту сторону этой многоцветной дуги обширный сад раскидывал свою листву, пропуская лазурь моря и неба между колоннадами стволов, обвитых выющимися розами. На вечно-зеленом фоне сада выделялась мраморная белизна фонтанов и статуй.

Солнце, играя пятнами по земле, пробуждало какую-то беспокойную жизнь. Бабочки носились в пространстве, точно воздушные цветы. Звучало далекое и настойчивое воркование невидных голубей; в бассейнах фонтанов плавали ярко-красные и золотые рыбы, преследуемые собственными тенями цвета черного дерева. Цветов было такое обилие,

что сад казался садом с другой планеты, где растительность была вся из лепестков и благоуханий. Земля, о которой заботились, как о предмете роскоши, давала растения чудовищных размеров, испускавшие благоухания сладкие, благоухания острые, благоухания знойные. Тысячи птичек с нестройной и веселой настойчивостью пели, опьяненные весенним воздухом, пока не угасал свет. В глубине широкого прорыва, разделявшего сад, по ту сторону аллей, проглядывал кусочек Средиземного моря, почти всегда пустынный, словно озеро лазури и золота.

Розаура каждый вечер приходила в этот уголок, позади своей великолепной виллы.

Первые дни ее приезда были для нее полны радости и энтузиазма. Она жаловалась на нелепости людей; осмеивала рабство тех, кто живет и подчиняется инициативе других. Ни разу еще не бывала она в своей роскошной вилле весной. Когда в ее саду начинали вянуть искусственно выведенные и анемичные зимние цветы и сад покрывался другими, более великолепными, Розаура возвращалась в Париж, чтобы не оставаться одной. Она следовала за всеми теми, которые покидают в апреле Лазурный берег, как место, уже потерявшее свою притягательность.

Она восхищалась теперь своей собственностью, точно видела ее впервые. Каждый день находила она то скамью, которая ей особенно нравилась, то уголок с беседками из роз, о осуществлении которых она даже не подозревала. Часами наблюдала она за

капризными движениями китайских рыбок, с которых, после краткой дани восхищения при покупке, успела забыть. Наблюдала с детской радостью, как шмыгают эти маленькие чудовища с их телескопическими глазами и широкими, прозрачными юбочками балерин, которые они медленно тянут за собой.

Несмотря на такие удовольствия, жизнь Розауры не была удобна. Этот большой дом нуждался в многочисленной прислуге, которую она и держала зимой. Семьи двух садовников старались теперь неумело прислуживать ей, и она казалась себе жилицей в собственном доме. В салоне, большой столовой и других комнатах мебель и лампы стояли в чехлах, запертые решетчатые ставни создавали зеленый полумрак.

Несмотря на все неудобства, Розаура была довольна своим пребыванием здесь и поздравляла себя с тем, что бежала из Парижа. Почта приносила ей письма или почтовые карточки Борха, которые она читала и перечитывала, сидя на террасе, с морем направо и цветочным каскадом у ее ног.

— Бедный юноша! Посмотрим, что это он пишет сегодня?

Так говорила она в первые дни. Потом, узнавая письмо испанца, по надписи на конверте, она откладывала его в сторону, просматривая с мучительным беспокойством остальную часть своей переписки. Письмо, которое она, начиная с Марсея, ждала, все не приходило. Такое пренебрежительное молча-

ние ранило ее гордость и начинало придавать тоскливую монотонность уединению, на которое она добровольно себя обрекла.

Вскоре охладев к внезапно вызвавшему ее восторг саду, она стала проводить вечера вне его. Колесила по Лазурному берегу в поисках приятельниц и развлечений. В отелях Ниццы, где танцевали в часы чаепития, она видела только молодые и незнакомые ей лица. Почти все ее друзья уехали в Париж, Лондон, Нью-Йорк. В салонах казино Монте-Карло она толкалась меж равнодушной толпой путешественников, останавливавшихся там на один вечер, не более, и затем продолжавших свой путь, игроков, погруженных в свои комбинации, искателей приключений, алчущих выгодных встреч. Ее приятельниц там также не было.

Чтобы заняться, она стала играть, неизменно проигрывая. Это еще хуже расстроило ее нервы. Она могла проигрывать большие суммы без риска для своего состояния, но в данный момент проигрыш казался ей грубым вызовом судьбы. К тому же она вообще привыкла к лести и к успеху в жизни.

Снова принялась она проводить вечера в своем саду, находя теперь красоту его однообразной. Она была одна; а все окружающее, казалось, с мучительной несвоевременностью напоминало ей, что жизнь— во взаимной поддержке, в притягательной близости. Белые горлицы с красивыми хвостами королевских павлинов настойчиво ворковали, когда она проходила мимо их большой, как дом, клетки. Она видела, как

нежно они поклевывали друг друга. Глупые птицы! Верхушки деревьев дрожали оттого, что по ветвям порхало множество птиц, заливавшихся пеньем. В бассейнах фонтанов рыбки преследовали друг друга с задирчивой настойчивостью полового пыла. Розаура проводила долгие часы ночи, терзаясь бессонницей, слушая через полуоткрытое окно трели соловьев, нашедших приют в ближайшей оливковой рощице. А тот человек, в Париже, не пишет ей!.

Ее женское самолюбие мучительно страдало от этого молчания. Ее оскорбленная гордость даже вызывала в ее памяти образы некоторых женщин, фотографии которых она видела в газетах, женщин, убивших мужчин. Теперь она была уверена, что вовсе и не любила Урданета. Она находила смешным и его и его маленькую страну. Как могла женщина ее круга считать себя влюбленной в этого генерал-доктора, героического зверя, алчущего наслаждений, к тому же очень опасного своей любовью к деньгам, которые он разбрасывал пригоршнями, как это делали когда-то пираты в своих оргиях?

Мысль о жертвах, принесенных ею во имя верности Урданета, усиливала ее гнев. Из-за него она потеряла часть своего престижа богатой вдовы, привыкшей вращаться в самом высшем свете. Она могла выйти замуж за принца, нуждавшегося в деньгах, за политического деятеля с звучным титулом и жить впоследствии при большом дворе, а, может статься, и управлять косвенно, через своего супруга, страной. Всем этим она пренебрегла из-за Урданета.

В Париже знали о ее связи с Урданета, да и на родине ее это не было тайной ни для кого. И этот человек, привыкнув, стал смотреть на нее почти как на законную жену, немного утомленный своим счастьем, поддаваясь капризам, изменяя ей с актрисами, с знаменитыми профессионалками или приезжими иностранками. Женщин тянуло к этому надменному и властному мужчине. Им нравилась его курчавая борода, его вид воина осажденного города, где царят грабежи и насилия.

Розаура тоже обладала твердым характером и, быть может, из-за этого длилась их связь, несмотря на бешеные ссоры, разрывы и примирения. Всегда она видела его возвращающимся к ней, устыдившегося, умоляющего. Гордость ее бывала польщена, когда она видела этого человека, грозного у себя в стране, просящим у нее прощения, с видом раскаявшегося ребенка. Но на этот раз он не шел к ней с обычной быстротой.

Последняя их ссора в Париже,—когда Розаура узнала о новой измене Урданета,—была самой шумной. Он клялся, что больше не вернется к ней. Он сыт по горло ее ревностью; целых пять лет рабства. Она искренно радовалась его обещанию не возвращаться больше к ней. Но проходили дни за днями, и ничто не нарушало молчания, результат разрыва.

Розауре под конец стало казаться странным упорство, с которым генерал-доктор исполнял свою угрозу, и, чтобы победить его, она сочла своевре-

менным удалиться, уверенная в том, что он, как в других случаях, явится молить у нее прощения. Она уехала из Парижа, думая, что на Лазурном берегу застанет телеграмму, письмо от этого человека, до того связанного с ее судьбою, что ей трудно было жить без него.

Проходило время, а вдова ничего не знала об Урданета. Такое молчание стало ее тревожить. Она ревновала, думая, что этот человек живет в Париже, как всегда, ездит на чаепития, где много женщин, в театры, в ночные рестораны, в то время, как она живет затворницей на Лазурном берегу. Несомненно, он продолжал свою любовную связь с женщиной, которая была причиной их разрыва. В другие разы она с тщеславным оптимизмом воображала, что Урданета последовал за нею и скрылся вблизи, чтобы неожиданно явиться к ней.

С минуты на минуту ждала она, что раздастся звонок у ворот ее сада. Иногда она надеялась встретиться с ним в Ницце, или в Монте-Карло, и таким образом возобновить прежние отношения, не поступившись самолюбием. И она снова отправлялась по вечерам в Ниццу, туда, где танцуют, в салоны казино Монте-Карло, всегда полные странными людьми.

Со всей пылкостью своего характера хотела она узнать истину и выдумывала предлоги для оправдания посылки своей горничной в Париж. Поручила ей, как важное дело, покупку разных вещей, которые могла выписать, и велела ей осторожно узнать, в Париже ли генерал и какую он ведет жизнь, — всец

неструдная, так как ее горничная была знакома с горничной Урданета.

Немного успокоенная этой мерой, она прождала еще несколько дней. Письма Борха продолжали приходить, и она читала их, как повествование о далеком путешествии по местностям, которых она никогда не увидит, и они внушали ей такое же любопытство, как прочитанные в детстве сказки.

Горничная ответила осторожно. Дон Рафаэль жил, как и раньше, в Париже, продолжая прежний образ жизни. Завтракал и обедал вне дома, возвращался на рассвете, усиленно развлекался. Его горничная не захотела сообщить ей всего, так как она находится в услужении у сеньоры Розауры; но она улыбалась хитро, говоря: „Ах, мужчины!“

Розаура задумалась, мрачно нахмурившись, что всегда возвещало об энергичных решениях. Ни любви, ни ревности—не думать больше о нем. Все кончено.

Досада навела ее на мысль о двух ее детях. Совесть ее была беспокойна: до этого времени она мало думала о них. Но отныне она будет матерью; матерью молодой и очень „chic“, посвятившей себя всецело своим детям. и пребывавшей в достойном и элегантном вдовстве. Тотчас, как бы решаясь на разорительное деловое предприятие, она придумала как выйти из своего настоящего положения. Быть может, тот смеется в Париже, узнав, что она затворилась в своей вилле на Лазурном берегу. Ей надо продолжать обычную свою жизнь, чтобы генерал-доктор, на которого она теперь смотрела издали, как

на смешную фигуру, дал себе отчет, как мало он значил для нее.

Шофферу она приказала на следующее же утро отправиться с нею в поездку, хотя еще не решила вопроса—куда, когда он спросил ее об этом. Первое ее движение было попутешествовать по Италии. Накануне она получила письмо от одной приятельницы-англичанки, живущей во Флоренции. Это было лучшее время для посещения указанного города. Но тотчас же она вспомнила, как близко от Флоренции до Рима. Энсизо устраивал празднество в своем дворце для ознаменования вступления своего в Академию Аркад. И дон Аристидес со своей семьей находился в Риме. Но она пришла в ужас, представив себя среди всех этих людей, которые будут говорить с нею о генерал-докторе.

Письмо Борха, датированное из Таррагона, попало ей в руки в эту минуту. Он уже ехал в Пенн-искола, последний этап его путешествия. Она прощптала задумчиво: „Бедный юноша!“

По сравнению с глупым и изменчивым Урданета, испанский юноша вызывал в ней интерес. Борха сумел бы лучше оценить ее. Но тотчас же ей показалось нелогичным всякое сравнение между этими двумя мужчинами. Она думала о Клаудио, не допуская никакой возможности любви между ними. Он был слишком молод. Впрочем, если хорошенько обсудить дело, между ним и Розаурой была разница лишь в четыре или пять лет. Но она, не зная почему, считала это как бы непреодолимым препятствием.

Покровительственная симпатия, с которой она вспоминала о нем, имела в себе нечто материнское. Розаура прощала его любовную отвагу и смотрела на нее, как на нечто, не имеющее значения. При этом с некоторою благодарностью вспоминалась ей та легкость, с которой он всегда повиновался ее требованиям, и почти детское смущение, в которое он впадал после своих дерзостей.

Обдумав еще раз свое теперешнее положение, она решила как можно скорее вернуться в Париж. Ей хотелось, чтобы тот маленький мир, который столько раз пересуживал ее отношения с Урданета, узнал, что между ними уже нет ничего. Настало время позаботиться о своих детях. Она пригласит к себе на дом выдающихся профессоров для их воспитания. В автомобиле ее увидят только лишь с ними двумя и с родственницей, всегда сопровождавшей их.

Вскоре ей пришла в голову мысль, что раньше, чем вернуться в Париж, она может побывать в местностях, о которых говорил ей Борха в своих письмах, может изумить его своим приездом на тот мыс Средиземного моря, где умер строптивый первосвященник, история которого интересовала ее, как повесть.

Розаура стала вспоминать дни, проведенные ею в Авиньоне и Марселе, как лучшие дни после отъезда своего из Парижа. Она тотчас же поняла, что нелепо ехать вслед за этим плодовитым на вымыслы юношей, которой внушал ей только дружеское чув-

ство, тогда как сам испытывал к ней страстное влечение. Однако, нелогичность такого путешествия делала его еще более привлекательным для нее. Всего несколько сот километров, добавленных к обратному пути в Париж, подробность незначительная для Розауры, которая много раз ездила в автомобиле с одного конца Европы на другой.

Она потеряет несколько дней на поездку по испанскому побережью Средиземного моря. Затем вернется той же дорогой в Авиньон, а оттуда направится в Париж. К тому же она никогда не видела ту часть Испании, где растет рис и тянутся апельсиновые насаждения километр за километром. Правда, ей говорили о плохих дорогах испанского побережья Средиземного моря, и с нею не было горничной, чтобы служить ей в посредственных отелях. Можно ее вызвать, но Розаура сочла это бесполезным, так как она сама скоро вернется в Париж после маленького крюка в Испанию. Вперед!..

Она рассмеялась, представив себе изумление бедного кабальеро Тангейзера. И самые затруднения ее путешествия сообщали ему привлекательность. Ей нравилось время от времени встречать препятствия. Она считала полезным „делать опыты“, как говорили некоторые ее приятельницы, многомиллионницы Соединенных Штатов, готовые с улыбкой идти на всякие недостатки в путешествиях.

Розаура проехала прямо в Перпиньян, минуя Марсель. Многие названия городов напомнили ей письма Борха. Его дон Педро де-Луна жил там. Она стала

погружаться мало-по-малу в атмосферу, которая ее окружала, когда она слушала молодого испанца.

Розаура ехала теперь навстречу ему, считая часы, отделявшие ее от него, и путь казался ей необычайно долгим. Она сама смеялась над своим нетерпением, находя его нелепым. „Можно было бы сказать, что я еду отыскивать своего возлюбленного. Бедный Борха! Как был бы он горд, если бы знал об этом“.

Ей нравилось представлять себе его изумление, когда он ее увидит, и в то же время она увеличивала в своем воображении препятствия, разделяющие их. „Он так молод. К тому же он жених Эстелы, дочери торжественного Бустаменто, будущего посла“.

Она спросила о Борха в отеле Ритц в Барселоне. Дон Клаудио, по словам заведующего, находится в Таррагоне. Она, значит, не потеряла его след. И будет продолжать ехать по его следам, как это делали старые „гаучос“, которых она видела в детстве в Пампасах.

В отеле в Таррагоне ей также дали сведения о Борха. Здесь ей пришлось остановиться, потому что оставалось еще более ста километров до Пенья-искола, а уж начинало темнеть. К тому же дорога была очень плохая.

— Хуже тех, по которой я ехала до Таррагона?— спросила она с некоторым страхом.

Хозяин отеля наклонил голову и развел руками, как бы выражая человеческое бессилие перед тем, чего нельзя изменить, или исправить.

Здание отеля было прислонено к старинному монастырю, превращенному в казармы. Розауре отвели в отеле лучшие комнаты, еще сохранившие запах свежей краски, и когда она открыла окно ванной, то увидела стену соседнего сада, всю в пятнах и покрытую мхом. У стены украшенные фестонами плюща поднимались две пыльные пальмы; из-за решетки казармы неся шум невидной ей толпы, молодой и крикливой. Солдаты, должно быть, находились во дворе, как школьники в часы отдыха. Они перекликались друг с другом изо всей силы своих легких. Всевозможные музыканты упражнялись на своих инструментах, каждый сам по себе, не слушая другого. Резкий, но здоровый интенсивно мужской запах принудил Розауру закрыть окно.

Со стороны улицы дверь казармы монополизировала почти весь тротуар, прикрыв его сверху полосатой маркизой и поставив по краям зеленые ящики с рододендронами и другими растениями. Весь день камышковые кресла были заняты офицерами, и прохожие должны были скользить между ними и ходившими взад и вперед с ружьем на плече патрулями.

Розаура вышла из отеля, когда уже стало темнеть, так как желала осмотреть немного город, и ее появление произвело большое волнение среди молодежи в мундирах, сидевшей у дверей казармы. Лейтенанты и капитаны переглянулись с изумлением. „Вот так женщина“. Они никогда не видали ничего подобного в этом тихом провинциальном городке. Они могли только сравнить ее с героинями неко-

торых экзотических романов, героинями, которыми они восхищались, как апофеозом изящества и неги.

Это была великосветская иностранная сеньора, красивая, богатая, вся окруженная благоуханием, такая, какую им рисовало воображение, когда они зачитывались романами в казарме, или отдыхали у себя в комнате, в гостинице.

Розаура вскоре увидела, что вся улица, по которой она проходила, переполнилась молодыми воинами. Одни шли параллельно с нею по тротуару напротив; другие попадались ей навстречу и, проходя мимо, шептали слова восхищения. Еще немного — и самые смелые из них поклонились бы ей и предложили бы свои услуги, увидав, что она одна и иностранка. Быть может, предложили бы показать ей все интересное в городе. „Ах, нет!“ На вид они были ей симпатичны, но она избежала всяких разговоров и поспешила вернуться в отель.

Пока Розаура обедала, сидя спиной к окнам, она увидела в зеркале напротив офицеров в фуражках с золотыми галунами, которые собирались на улице, чтобы видеть ее, уходили и вскоре снова возвращались. Два офицера обедали в той же столовой, и это служило предлогом для других войти, поздороваться с ними и образовать кружок, в котором громко говорили, стараясь сказать что-либо остроумное, чтобы привлечь внимание иностранки.

Она легла спать очень рано, думая о следующем дне. Это была последняя ночь ее путешествия. Оно длилось уже три дня, и она привыкла вставать рано.

Когда барабаны и трубы возвестили утреннюю зорю в казармах, она уже была одета и пила едва теплое кофе. А при восходе солнца ее автомобиль был уже далеко от Таррагона. Она улыбнулась, вспомнив молодых воинов, которые, быть может, вспоминали ее ночью и, придя утром в казармы, узнают, что призраки вечерних сумерок навсегда исчез со светом нового дня.

За Тортоза пейзаж принял другой вид. Уже не было виноградников и оливковых деревьев, как на полях Таррагона, вокруг арк и римских гробниц. Стали встречаться сады апельсиновых деревьев, посаженных далеко друг от друга, как передовые посты войск. Никогда она их не видала такими: листва начиналась почти в уровень с почвой, деревья были ветвистые и невысокие, округлявшиеся, словно громадные зеленые шары на красноватой земле.

Они въехали в Валенсию, этот сад Средиземного моря, который ей столько раз описывал Клаудио Борха. Шоффер давал теперь своей машине полную волю, несясь с доверием, внушаемым прямыми дорогами и широкими перспективами.

Апельсиновые деревья были в цвету. Леса розовых деревьев, распространявших запах горячего меда, и виноградники делили пространство, еще не захваченное апельсиновыми насаждениями. Проехали через город с домами, окрашенными в белый и голубой цвет, с прекрасными церквями. Город, судя по внешнему виду, говорил о комфорте, о богатых жатвах и изобилии денег. Парусные суда стояли

на якоре в гавани. Это был Винероз. Немного спустя они проехали другой город, очень похожий на него. Здесь, судя по карте, которой Розаура руководствовалась, нужно было покинуть большую проезжую дорогу. Они находились в Беникарло и уже были недалеко от конца своего путешествия.

Она увидела издали соединенный с побережьем словно корабль, севший на песчаную мель, белый и громадный мыс Пеньискола, окруженный батареями, увенчанный башнями и стенами. Дома и каменные ограды шли уступами до вершины.

Последняя часть дороги, самая краткая, оказалась зато самой тяжелой. Могучему экипажу пришлось двигаться медленно и с усилием, чтобы не застрять неподвижно на мягкой почве, которая проваливалась под колесами. Это была не столько дорога, сколько трясина, в которой еще сохранились зеленоватые лужицы от дождя, выпавшего много дней тому назад. С обеих сторон, на отлогих скатах виднелись ряды апельсиновых деревьев, пальмы и стены, заплетенные цветами. Люди украсили этот участок земли, сражаясь с мертвой водой болот до тех пор, пока не превратили ее в плодородное поле; но никто не позаботился о дороге. К тому же эта дорога вела в местечко, где не существовало повозок, и большая часть торговли велась морем, или на лошадиных крупах.

Автомобиль двигался вперед, качаясь, с ужасными толчками. Но выйдя на побережье, напротив мыса Пеньискола, он понесся во весь дух по песчаному

морскому берегу и перешейку. Хотя почва была мягкая, автомобиль скользил ровно, тихо, как если бы у него под колесами был толстый ковер. С обеих сторон узкой песчаной полосы земли были разложены для сушки большие сети, цвета вина.

Судовая команда двух черных барок выгружала свой ночной улов. Мужчины со штанами, отвороченными почти до самых бедер, вытаскивали на берег большие корзины, сверкавшие расплавленным оловом. Группы женщин жадно рассматривали содержание корзин. Те, в которых находились лангусты, отставлялись в сторону, как ценный материал.

Автомобиль доехал до ворот первой стены. Большое количество женщин, собравшись вокруг прачечного пласта, колотили изо всех сил мокрое белье, а затем подставляли его под светлый поток прозрачного источника, берущего свое начало из скал. Все бросили свою работу, издавая громкие крики, и к смутному шуму голосов присоединились возгласы множества детей.

Экипажу пришлось остановиться. Невозможно было проехать по узким и висячим переходам, пропускавшим лишь мулов и ослов с их грузами. Два человека, шедшие позади своих лошадей, навьюченных земледельческими орудиями, вышли как-раз из поселка рыбаков, чтобы обрабатывать маленькие полоски земли на побережье.

Хотя женщины и дети кричали на каком-то смешанном диалекте, Розаура и ее шоффер поняли их указания. У скромной гостиницы, рядом с большими

воротами, украшенными гербом Филиппа II, стояли под навесом две повозки из какого-нибудь ближайшего местечка: они тоже должны были остановиться у стены.

Когда Розаура вышла из автомобиля, она увидела себя окруженной любопытными, которые рассматривали ее с некоторого расстояния с враждебной робостью, внушаемой иностранцами. Несмотря на ее бледность и синеву под глазами вследствие утомления, этим бедным женщинам она показалась пришелицей из другого мира, которая сбилась с дороги и по ошибке заехала сюда.

— Великое небо,—говорили они.—Вот так красивая сеньора! Она как королева.

Несколько старух, более смелые благодаря привилегии преклонных лет, подошли к ней, но, прежде чем ответить на ее вопросы на кастильском языке, заставили ее повторить, так как плохо знали этот язык, и их сбивал аргентинский выговор Розауры. Они не могли угадать, кто такой этот дон Клаудио Борха, о котором их спрашивала знатная сеньора. Одна из более молодых открыла тайну.

— Это тот, из Мадрида,—сказала она остальным; и добавила, обращаясь к Розауре:—Поднимайтесь выше, сеньора, поднимайтесь все прямо вперед и найдете его в замке.

Ее приятельницы, казалось, поздравляли ее шумными раскатами смеха за ту легкость, с которою она говорила по-кастильски и за точные указания,

где найти единственного иностранца, бывшего в местечке.

Розаура пошла вперед, а впереди нее бежала группа ребятишек, между тем как женщины вернулись к работе у прачечного плота, или же окружили автомобиль, изумляясь его величине, сравнивая его с другими автомобилями, которых они видели, и обращались с вопросами к шоферу, расспрашивая, кто его госпожа.

Креолка давала себе отчет в том, что толки бежали по поднимавшимся вверх уступам местечка, сообщая всем о необычайном событии—ее приезде. У дверей и окон появлялись головы, несколько растрепанные в этот ранний утренний час, потому что только к вечеру, когда вполне окончена домашняя работа, женский персонал Пенъисколы приводил себя в порядок. Дети упорно шли рядом с нею, поднимая головы вверх, чтобы лучше рассмотреть ее. Из домов выходили другие и еще другие ребятишки, присоединявшиеся к детской свите. Они ничего не говорили, ничего не просили и следовали за нею, устремив взоры на ее лицо, предчувствуя какую-то тайну, изумленные ее несходством с другими женщинами, которых они ежедневно видели, и с наслаждением вдыхая окружавшее ее благоухание.

Розаура продолжала подниматься, доверяясь инстинкту тех, которые шли во главе ее детской свиты. Увидав человека с лицом, загоревшим до каштанового цвета от солнца и морской воды, с короткой и жесткой бородой, широкими плечами и качающейся

походкой, тип хозяина барки, ушедшего на покой,— она спросила его, правильно ли она идет, чтобы попасть в замок.

Это был Алькальд, спускавшийся к единственным воротам местечка, несомненно, уведомленный об этом необычайном приезде. Он сделал усилие над собой, чтобы собрать в памяти своей все, что он, как официальное лицо, знал на кастильском языке, и ответил:

— Вы идете правильно. К тому же, куда и как бы вы ни шли, вы всегда дойдете до замка.

Потом добавил с простодушной гордостью, точно устанавливая преимущества своего города перед всеми большими столицами всего света, о которых ему рассказывали чудеса:

— Не бойтесь, сеньора. В Пеньискола никто не заблудится.

Расставаясь с ним, Розаура делала усилие над собой, чтобы не рассмеяться. Действительно, никто не мог заблудиться среди полдюжины улиц и улочек, окруженных стенами и все поднимавшихся на вершину скалы.

Алькальд не решился сопровождать ее; это казалось ему дерзостью. С такими знатными сеньорами простой человек никогда не знает, что хорошо и что дурно. Но дальше перед нею остановился крестьянин, у которого сверх платка надета была фуражка с золотым галуном. Он держал в правой руке палку со свисавшими с нее двумя черными шариками. Это был Алгуасил. Повинуясь приказаниям своего началь-

ника, он стал кричать и делать движения палкой, чтобы нагнать страх на детвору. Разве они не видят, что беспокоят сеньору? Что скажут за границей о детях Пенъискола? И Розауре пришлось просить, чтобы он не разгонял своими угрозами эту молчаливую свиту, единственное преступление которой состояло в том, что они шли, точно прилипшие к ней, и только самые отважные из них прикасались к пуговицам и к сукну ее накидки.

У входа в замок Розаура попросила у сельского ставленника власти опору его мозолистой руки. Плиты выхода из крепости и древнего плацдарма были так вылощены росой, так омыты дождями, что казались хрустальными. Нужно было найти расщелину, в которой еще сохранилась земля, и где росла небольшая трава, чтобы ноги не скользили. Алгуасил, несомненно желая вселить в нее мужество, рассказал о нескольких посетителях, которые сломали себе руки или ноги, упав в этом самом месте.

Позади них осталось обширное пространство, окруженное стенами, куда выходили двери старинных крепостных построек. Эти постройки служили теперь гуменниками, или были заброшены. Замок вынес три продолжительные бомбардировки в последние столетия, и сохранились в целости только подвалы и первый этаж.

Они поднялись по каменной голубого цвета такой же скользкой лестнице. Алгуасил шел впереди, говоря с нею, но слова его ей нужно было угадывать. Позади них настойчивая детвора стала рассеиваться

по всей крепости, пользуясь этим необычайным посещением, так как в обычные дни ключ от крепости хранился в Городской Думе. Розаура поняла, что этот человек говорил о мадридском сеньоре, как будто хорошо его знал. Вскоре он громко крикнул: — Дон Клаудио, визит. Визит к вам!

Борха незадолго перед тем слышал все увеличивавшийся шум, который ему казался необъяснимым среди безмолвия покинутой крепости. Так как самые незначительные звуки приобретают преувеличенное значение в глубокой тишине, он подумал, что какая-то бунтующая толпа проникла через калитку и идет вверх по лестнице. К шуму стрижей, летавших вокруг стен, присоединились крики детей и мужской голос, звавший его во все горло. Кто мог притти к нему сюда и разыскивать его в Пенъискола? Он появился между двумя амбразурами и увидел Алгуасила и увидел...

Этого не могло быть! Это было невозможно! Незадолго перед тем он смотрел на часы. Было девять с половиной часов утра. Это не был час привидений. К тому же он считал невозможным появление призрака при свете сияющего солнца, на этой вершине, окруженной морем, под небом интенсивно лазурным, без единого облачка. И тем не менее он ее видел тут вблизи. Выходило нелепо, но было одинаково безрассудно сомневаться в том, что он видел своими глазами.

— Не делайте такое лицо. Сходите вниз, приветствуйте друга!

И она продолжала смеяться, довольная изумлением, с каким встретил ее Борха. Когда он очутился рядом с ней, она стала объяснять. Приехала она сюда, чтобы исполнить свое обещание. В Марселе она обещала побывать в Пеньискола вместе с ним, и вот она сдержала слово. Свидание их продлится несколько часов, не более того; затем она возобновит свое путешествие и вернется в Париж. Маленький крюк по дороге.

Все еще не придя в себя от первого изумления, Борха слушал не понимая. Приехать из такой дали, чтобы пробыть несколько часов, не больше того! Вернуться из Пеньискола в Париж и называть это маленьким крючком. Он боялся, не видит ли он все это во сне, боялся, что исчезнет неожиданная гостья, и он снова останется одинок.

Нет; она стояла рядом с ним, он видел ее, побледневшую, немного поблекшую от утомления, но более принадлежащую ему, более интимную, чем в последний раз, когда они говорили друг с другом в Марсельском отеле.

Розаура не дала ему времени углубиться в свои мысли.

— Объясните мне все, что тут есть интересного, в этом последнем дворце нашего дон Педро. Не стойте здесь, весь вытянувшись и немой, как столб.

Подчиняясь этому нежному и властному голосу, он повел ее по всему замку, оправдывая общую заброшенность, точно это была его вина. Еще пять-

десять лет тому назад замок этот служил базой для операций правительственных армий, когда они преследовали карлистов. Крепость эта никуда не годилась перед современными пушками, но оказывалась неодолимой для банд претендента дона Карлоса, по недостатку у него артиллерии.

Они вошли в самый большой приемный салон замка. Наверное, Луна со всей роскошью папского двора принимал здесь двух посланных с констанцского собора.

Розаура с наслаждением вдыхала в себя бодрящий воздух, выйдя из коридоров замка и увидев перед собой беспредельный простор Средиземного моря. Она и Борха созерцали расстилавшееся перед ними интенсивно-лазурное водяное пространство.

Толпа ребят исчезла. Слышались их крики, более и более отдаленные, на улицах местечка. Алгуасил выставил их из крепости. Теперь белая с бурыми пятнами коза шла сзади них в их прогулке по стенам крепости.

Борха видел эту козу ежедневно. Один из живущих в замке выпускал ее, чтобы она кормилась, щипля травку. Розаура восхищалась ее гимнастическими упражнениями. Клаудио пожелал показать Розауре маленькую одноэтажную башенку с гербом Педро де-Луна на дверях. Это была часть замка, наиболее выступавшая в море, и по рассказу Клаудио туда уединялся строптивый папа в часы своих размышлений. И сюда ему приносили ящички со сладостями, которых описали в отчетах о процессе его отравления.

Розаура прошла по этому маленькому жилищу из камня с узкими оконцами, из которых можно было сторожить свободное море. Клаудио описал девяностолетнего старика, высохшего, как мумия, который смотрел на горизонт, не сводя с него глаз, не удастся ли увидеть берег противоположный, берег Италии, где всегда у него был противник, с которым приходилось сражаться.

Он не думал о смерти и не думал о ней даже после покушения. Жизнь казалась ему не имеющей смысла, раз нельзя было действовать. Еще три года до смерти своей—он дождал до девяноста четырех лет—Луна проектировал морскую экспедицию и организацию флота, равного или больше того, который привез его к берегам Генуи.

И в последние годы оставались его две галеры, стоявшие на якоре в Порт Фангос, на дельте Эбро. Он был папа-мореплаватель и был уверен, что может собрать целый флот галер и галеотов. Продолжительность его жизни считалась многими из его сторонников доказательством того, что он законный папа. Многочисленные его враги, еще юноши, были похищены смертью. А он продолжал себе жить, и его сверхчеловеческая энергия, его неутомимое упорство внушали ему надежду на какое-нибудь чудо, которое возникнет в последний час и доставит победу правде и справедливости.

Розаура прервала Борха неуверенным голосом:

— Быть может, я скажу вздор, но этот человек, переживавший себя на уединенной скале, созерцаая

море, вспоминая свою, уже померкшую славу, но никогда не сомневавшийся в себе самом, напоминает мне Наполеона на острове Св. Елены, который был для многих простой скалой.

Борха одобрил, добродушно улыбаясь:

— Да, быть может, между ними и есть некоторое сходство, главным образом, в их смерти. Оба они, после того, как взволновали весь мир и внушали страх из своего уединения, безмолвно угасли, тотчас же забытые.

XII

НА ПЕСЧАНОМ БЕРЕГУ.

Друзья, которых имел Борха в Пеньискола — городской доктор и секретарь — поднялись в крепость, привлеченные вестью об этом посещении. По прошествии нескольких минут они искали предлог, чтобы уйти, удовлетворив свое любопытство.

Они чувствовали робость в присутствии этой великосветской дамы, не зная, что сказать, говоря запинаясь, несмотря на улыбки и любезные взгляды, которыми Розаура сопровождала свои вопросы. Оба они взяли на себя заботу отыскать место, где бы изящная иностранка могла позавтракать. Только не в самой Пеньискола, конечно, где из окон гостиницы не открывается никакого горизонта, кроме стены напротив.

Лучше было бы позавтракать на узкой песчаной полосе, занятой рыбаками. И оба друга удалились, чтобы заняться приготовлениями и в то же время поговорить об этом посещении. Они завладели самыми большими лангустами, которых привезли в баркасах. В Пеньискола ни один завтрак не обходился без этих креветок, славившихся по всей Испании.

Розаура и Клаудио прогуливались по бастионам замка, созерцая море. Затем они медленно спустились по улицам, ведущим к песчаному берегу.

Было одиннадцать часов. Так как оставалось еще много времени до завтрака, Борха стал говорить о смерти своего героя.

— Смерть дона Педро долго держали в полнейшей тайне. Прошло семь месяцев, прежде чем жители Пенъискола и остальной мир узнали, что он более не существует. Впоследствии было удостоверено, что энергичный папа умер 23 ноября 1422 г., когда ему исполнилось девяносто четыре года. Три кардинала, жившие в Пенъискола, скрывали в течение семи месяцев смерть папы, делая вид, будто он жив. В назначенные дни они печатали обычные индульгенции и употребляли его личную печать для отправки документов и писем от его имени. Даже жители Пенъискола не знали о смерти его, и не удивлялись его отсутствию, так как последние месяцы жизни он проводил, не выходя из замка. А между тем три кардинала—как впоследствии утверждал их товарищ Кариер—разделили между собой золото и серебро папской сокровищницы, кольца с драгоценными камнями, священные сосуды, книги, украшения и драгоценности папской часовни, и даже реликвии святых.

Когда в 1423 г., от имени римского папы Мартина V, избранного еще на Констанцском соборе, легату его удалось, наконец, добраться до знаменитого мыса Пенъискола, здесь его ожидало два сюрприза: год тому назад Бенедикт XIII умер, и на пре-

столе сидел новый папа, по имени Климент VIII, бывший каноник Валенсии, дон Хиль Санчо Муньос.

Наконец, король аррагонский вошел в соглашение с папой римским, и Хил Муньос, повинувшись приказаниям последнего, отказался от своего звания папы, которое он занимал в Пенъискола уже восемь лет.

Когда кончились церемонии примирения, один из секретарей Альфонса V, его посол в Риме—для восстановления мира и добрых отношений между своим королем и папой Мартином V—был назначен епископом Валенсии. Этот новый духовный сановник Альфонсо де-Борха, ловкий в дипломатических поручениях, сделался папой двадцать пять лет спустя, под именем Калликста.

— Так семья Борха и начала свою карьеру?—спросила Розаура.

— Да, так.

Розаура и Клаудио стали прохаживаться по песку побережья. Дойдя до каменных ворот с большим гербом Филиппа II, они увидели ждавших их здесь двух новых друзей Борха. Все было приготовлено, чтобы они могли завтракать на перешейке. Старый матрос стряпал для них в гостинице.

Напрасно Розаура настаивала, приглашая друзей позавтракать. Робость и вежливость побуждали их удалиться. Уже поздно, и дома ждут их к обеду. Потом они вернутся сюда. Теперь все сделано, все готово. И они удалились вместе с Алкальдом, который тоже появлялся не надолго, чтобы убедиться, что у иностранцев ни в чем недостатка нет.

Когда они остались одни, Розаура предпочла завтракать в середине песчаной полоски земли, подалее от прачечного плота, камни которого сильно пахли мылом, а также подалее от гостиницы с повозками, стоявшими у ворот, и от конюшни, наполненной лошадьми, которые непрерывно обмахивали себя хвостами, чтобы отогнать насекомых.

Автомобиль съехал на плоский песчаный берег и остановился у ряда черных барок с мачтами, немного наклоненными к носу. Городская детвора исчезла. Здесь иностранцев окружали дети рыбаков, юнги с темной бронзовой кожей — „барочные кошки“, как их там называют, в штанах, завернутых до бедер, в полосатых рубашках и старых фуражках; у всех глаза горели, голоса были хриплые и сильные зубы, почерневшие от табаку.

Начали они с того, что стали просить у Борха папирос. Для них это был лучший подарок, который мог получить любой смертный. Но затем Клаудио был так неосторожен, что бросил им несколько пезет, и тихое побережье было потрясено шумом драки. Рыбаки и их жены удалились во-свояси пообедать. Оставалась на песчаном берегу только детвора флота Пенъисколы на полной свободе, и они стали драться друг с другом, оспаривая ударами один у другого монеты.

Они бешено толкали друг друга, набрасываясь толпой на этих двух великодушных сеньоров. Подобно арабам, они считали название „дядя“ самым почетным, которое только может быть дано человеку,

заслуживающему уважения. И многие из них схватывали за руку „дядю“, чтобы вырвать у него монеты, прежде чем он их бросит.

— Тетя, мне!

-- Мне, красивая тетя!

И Розаура тоже бросила им пригоршню пезет, смеясь при виде того, как они барахтались по песку, пуская в ход и руки и ноги. Один из них бросился с шумом на правую ее руку, разорвал ее перчатку, вонзив в нее свои ногти—до того велико было его нетерпение.

— Ах, демон этакий! Получай, получай!

И она побежала за ним, награждая его ударами кулака, но эти удары казались лаской маленьким дельфинам, и они снова окружали ее с криком:

— „Мне, тетя, мне!“

Так велик был этот шум и крик, что вызвал вмешательство власти, сидевшей у ворот гостиницы в позолоченной фуражке и с палочкой с двумя черными шариками в руке. Снова Розаура увидела Альгуасила, но теперь враги порядка были менее послушны и более упорны, чем дети, следовавшие за ней по улицам местечка. Алгуасил стал раздавать удары жезлом правосудия, и „барочные кошки“, принимая эти удары, умели скрыть свою боль, прыгая и смеясь, и кричали:

— Не больно! Не больно!

Наконец, устав получать удары, они стали удаляться несколькими группами, и каждый из них пересчитывал завоеванные им пезеты.

Теперь их видно было только издали, позади барака, где они, лежа на животе, зорко наблюдали за тем, не польется ли снова металлический дождь, но не осмеливались продвинуться вперед, точно Алгуасил начертал своим жезлом вокруг иностранцев заколдованный круг.

Оставшись одни, Розаура и ее спутник удивлялись бодрой красоте этого побережья, столь отличного от тех, которые они видели в летних своих путешествиях. У самого предела последних волн, там, где песок сохранял еще влажность с зеркальным блеском, дама увидела бесчисленное множество маленьких насекомых—белых, почти прозрачных. Это были так называемые морские блохи.

Несколько барок качались на якоре вблизи перешейка. Другие скользили вдали, распустив паруса, как крылья. Она восхищалась спокойствием этой морской панорамы—ее полуденной тишиной.

На всей песчаной полосе не было других существ, кроме них двух и шоффера. Почва сверкала, словно золотая пыль, под вертикальными лучами солнца. В этой тишине передавались малейшие шумы на неслыханные расстояния. Удар весла, крики с улицы местечка, очень далекая повозка, ехавшая по дороге среди солончаков в этот солнечный час—приобретали звучность более необычайную, чем даже в ночные часы.

И здесь, в этой столь красивой местности, сожгли монаха, пытавшегося отравить папу Луна?—спросила Розаура.

— Да; здесь сожгли монаха за отравление и колдовство.

Услышав, что богатая сеньора завидует жизни этих морских людей, Борха заговорил о бурях, которые перебрасывают морские волны с одной стороны перешейка на другую его сторону, принуждая барки искать убежища в соседних портах — Беникарло и Винороз. Много раз шторм не дает им времени укрыться, и им приходилось спорить с бурей, что имеет следствием многочисленные крушения. Сколько этих юнг, кричавших: „Дядя, мне“, найдут смерть таким образом.

Появление Алгуасила с матросом, приготовлявшим завтрак, прервало их разговор. Пришедшие поставили стол и два стула на песок в небольшом расстоянии от того места, куда докатывались последние волнистые струи, в стройных изгибах своих похожие на хрусталь. Парус, растянутый между двумя баржами, давал им тень.

Даме очень понравилось это безыскусственное помещение, и ее энтузиазм усилился, когда матрос вернулся с большим блюдом, занятым пирамидой лангуст. Никогда она не видела таких громадных лангуст и не подозревала, чтобы раковины эти обладали таким благоуханием. От них несло запахом, похожим на запах фиалок.

Повар-моряк давал объяснения на валансийском наречии, прося Борха переводить его слова сеньоре. Он говорил с презрением о несчастных сухопутных поварах, заслуживающих всякого рода мук за то,

как они варят лангуст и креветок, сообщая драгоценному их мясу запах намоченного белья. Повара морские знают, что этих драгоценных животных надо подавать только прожженных или жареными. Их запах и вкус концентрируются непосредственным действием огня.

Так как Розаура больше полудня провела без всякой пищи, исключая чашки кофе, выпитой ею в Тарагоне, она жадно принялась есть. Вспомнила при этом о завтраке близ фонтана в Воклюзе и другом не менее приятном завтраке — в Пуэрта Вьехо.

— А этот еще лучше, Борха. Вашу бульябес¹ в Марселе нельзя сравнить с блюдом, которое нам только-что подали. Вы умеете великолепно угощать своих друзей, не могу не признать этого.

Клаудио хотел отвлечь ее внимание от креветок.

— Видите ли, сеньора, вон там поблизости городок с белыми домиками. Это Винороз. Так вот там умер маршал Луиз де Вандом, грубый солдат, родственник французских королей. Он был главнокомандующим при Людовике XIV. Во время войны в Испании он остановился в Винорозе со своей специальной свитой — своднями и проститутками, сопровождавшими его всюду. Ему нечего было делать на этом побережье, но он там поселился исключительно из-за креветок — и несварение желудка убило его в несколько часов.

¹ Bouillabaisse — известное рыбное кушанье

Но Клаудио не удалось напугать Розауру этим примером. Из-за одного завтрака она не умрет, как обжора Вандом. И только тогда она отодвинула громадное блюдо с креветками, когда увидела, что матрос входит с другим таким же громадным блюдом, и это вызвало протесты и ее и молодого испанца. Неужто они могут истребить эту новую порцию, более чем достаточную для всех обедающих в большом отеле?

Они были до того сыты, что едва могли отведать от других блюд, принесенных поваром по всем правилам морской гастрономии—блюд, обильно снабженных перцем.

Клаудио и Розаура стали строить планы на послеобеденное время. Борха думал, что лучше всего отправиться ночевать в Кастеллон—столицу провинции, где найдутся удобные и чистые отели. Путешествие недолгое. Менее чем через два часа они могут доехать до указанной столицы, хотя бы дорога и была в плохом состоянии. К тому же ночи лунные. Розаура заявила, что скажет ему на следующий день, как думает поступить в дальнейшем: следовать ли с ним вместе в Валенсию, куда он едет, или вернуться в Париж, удовлетворив свое любопытство относительно Пенъискола.

— Не знаю, — ответила Розаура усталым голосом. — Я думаю, что нам хорошо бы проехать в этот город, о котором вы говорите. Но у нас есть еще время, и я бы хотела немножечко поспать. Я так хорошо поела, что чувствую сонливость—большую сонливость. Ведь я так рано встала!

Она хотела уснуть тут же на песчаной полосе, ласкаемая прохладой моря. И вспомнила, сколько раз, будучи ребенком, делала то же самое в своих экскурсиях по деревенским местностям, как засыпала под тенью дерева, окутанная в накидку и наклонив голову на вальтроп своей лошади, пока та свободно паслась.

Шоффер прервал их банкет, принеся самое большое сиденье из автомобиля, которое должно было служить постелью сеньоры, подушку и дорожную накидку. Розаура растянулась на этой импровизированной постели.

Борха, не вставая со своего стула, подремал немного, опираясь локтями на стол.

Чрезмерное обилие еды привлекло многих собак. Они пожирали больших креветок, упавших на песок. Тихо лизали они пикантный соус из блюд. Обнюхивали презрительно местные плоды, упавшие со стола.

Молодой человек очнулся от дремоты, как бы чувствуя близость кого-то, кто смотрел на него пока он спит. Его два приятеля из Пеньискола, после многих колебаний, решились, наконец, подойти к ним.

Первым движением Клаудио было взглянуть с ревнивым беспокойством туда, где лежала сеньора де-Пинеда.

Было более трех часов пополудни или, вернее, было почти четыре часа. Борха говорил с друзьями о багаже, который оставляет в своей комнате

в Пенъискола, и просил их выслать его ему в Ка-
стеллон по железной дороге.

Взглянув на небо и на море, он решил, что се-
годня, должно быть, позже, чем говорили приятели.
Он заснул, когда солнце стояло высоко на лазурном
небе, и они тогда прятались под тенью паруса.
А теперь море посерело, тучи покрывали горы, и
солнце было скрыто, будто уже наступили сумерки.

Алькальд подошел к ним своей качающейся поход-
кой хозяина барки.

Он посмотрел в одну и в другую сторону, точно
проверял, и задвигал головой. Вслед затем счел
уместным дать совет:

— Дон Клаудио, если вы думаете ехать в Ка-
стеллон, поезжайте тотчас. Небо угрожает штормом.

ХІІІ

Б У Р Я

Снова автомобиль затрясся по дороге среди солончаков, сильно подпрыгивая на дамбах. Они проехали через Беникарло, следуя по большой проезжей дороге, ведущей в Кастеллон и Валенсию. Было пять часов после полудня, а казалось, будто уже близко к ночи.

Борха сомневался, следует ли им продолжать свое путешествие, но его спугница была более решительная. Гораздо раньше, чем спустится ночь, они доедут до Кастеллон. И они поехали дальше.

Четверть часа спустя их остановило незначительное обстоятельство. Одно из колес было пробито гвоздем, валявшимся в пыли дороги.

Пока работал шоффер, они обменивались мыслями о неудобствах самого современного из передвижений на суше. Железная дорога, казалось, навсегда избавила путешественников от дорожных приключений. Но когда был изобретен автомобиль, он снова поставил их в соприкосновение с бродягами и возчиками, с плохими гостиницами и еще худшей едой,

воскрешая шероховатости и неудобства прежних веков. Самый дорогой и роскошный автомобиль, продвигаясь вперед и бросая при этом вызов времени и пространству, с плачевной легкостью теряет свою силу мифологического железного зверя. Достаточно ржавого гвоздя, выпавшего из подковы осла, чтобы он застрял среди дороги в изнеможении раненого зверя. При большой скорости езды из-за таких же ничтожных гвоздей происходила катастрофа со смертельными исходами.

Стали падать капли дождя, проводя глубокие кружки в пыли дороги. Оба путешественника уселись снова в экипаж, пока шоффер кончал свою починку.

Автомобиль двинулся дальше, но дождь лил уже, как из ведра. Он затянул горизонт, и видно было всего на несколько десятков метров. Красивый экипаж в одно мгновение потерял свой роскошный блеск. Стекла потускнели от испарения. Пыль дороги превратилась в беловатую грязь, которая забрызгивала автомобиль белыми, как гипс, пятнами. Это налетел быстрый и жестокий шторм побережья Средиземного моря.

Небо, чрезмерно темное, и дождь напомнили Розауре дожди Буэнос-Айреса, продолжавшиеся часы и часы, при таком черном небе, что жителям приходилось зажигать свет днем.

И тут, в этой стране солнца, дождь падал потоками, точно небо было бескрайное озеро, тьма, как при солнечном затмении, покрывала трауром поля.

Шоффер, не знавший дороги и ослепленный дождем, двигал свой огромный экипаж несколько медленно. Розаура стала раскаиваться в своем решении.

— Признаю, что мы поступили глупо, не оставшись в ближайшем городке около Пенъискола.

Борха ответил утвердительным жестом, но дама с внезапным оптимизмом стала осмеивать свое беспокойство. Путешествуя по Европе, она попадала в положения похуже этого. Вперед! Дождь, быть может, скоро пройдет. В странах с теплым климатом эти штормы, шумные и быстрые, похожи на вспышки запоздалого гнева добродушных людей.

По пути они никого не встретили. Поля и дома, ближайшие к проезжей дороге, казалось, никогда не были населены.

Розаура прильнула лицом к стеклу, чтобы убедиться, идет ли дорога в уровень с полями, или над ними. Пока дело обстояло так, она не беспокоилась. Страшно было бы, если б дорога начала спускаться. Так и случилось полчаса спустя.

Они увидели перед собой нечто вроде реки с красной водой; длиннейшая лощина, с маленькими островками грязи. Это и была дорога. Надо было ехать по ней, доверившись судьбе, не зная, на что могут наткнуться колеса в глубине, под мутной поверхностью.

Продвижение могучего экипажа по этой водяной дороге вышло смешным и печальным. Экипаж наклонялся, точно собирался перевернуться. Одни колеса поднимались над скрытыми препятствиями, в то время, как противоположные опускались. В другой

раз он оставался неподвижным, как прикованный к незримой грязи, и необходимо было довести работу до наибольшего напряжения, чтобы он двинулся вперед, издав рев утомления.

— Что за дорога!—воскликнула она.—И это будет бесконечно... Не видать конца.

По обеим сторонам тинистого потока апельсиновые сады поднимали свои зеленые и громадные шары, испещренные померанцевыми цветами. Высоко над душистой листвой виднелась вдали колокольня с зелено-голубой крышей.

Дождь хлестал с возрастающей силой по крыше автомобиля. Пейзаж исчезал, точно его окутывала новая завеса легкого тумана. В некоторых невидимых рывках автомобиль так проваливался, что вода стала просачивать под него.

— Этого быть не может!—продолжала протестовать Розаура.—Ах, если бы мы добрались до маленького городка с красивой колокольней!..

Автомобиль испытал очень резкий толчок. Путешественники не услышали в сущности ничего необычайного; удары дождя в крышу вызывали звон в их ушах; но оба почувствовали, будто что-то железное сломалось с треском. Нечто, действительно, было неладно в работе автомобиля. Он шел вперед, но движением, похожим на ход корабля без руля. Шоффер продолжал конвульсивно сжимать колесо направления, пожимая плечами, подчеркивая свое бессилие. Путешественники угадывали, что все старания его тщетны; автомобиль не слушался его и шел наугад.

Так бы он и продолжал идти и попал бы в ручей, если бы руководитель его не сделал последнего усилия. Автомобиль стукнулся в один из откосов и переднюю часть врылся в красную грязь.

Оба путешественника почти ударились головами в стекла и, придя в себя от толчка, посмотрели друг на друга нерешительно: что делать теперь? Они чувствовали себя слабыми и безоружными перед штормом, на незнакомой дороге, между двумя откосами и колючими изгородями, окаймлявшими поля апельсиновых деревьев. В них ничего не оставалось от тех путешественников, которые часом раньше были уверены, что победят расстояние и укоротят время.

Борха выскочил из автомобиля в воду.

Шоффер угадал причину случившегося и объяснил ее с некоторым смущением, точно это было его виной. Сломалась одна из передних рессор, невозможно ехать дальше. Если бы попытаться двинуться вперед, экипаж, которым нельзя управлять, снова стукнулся бы об откос или о дерево с еще худшими последствиями. Точно так же невозможно починить его под дождем в этом затопленном месте. Сеньор Борха и сеньора должны искать себе убежище, не заботясь о нем. Его обязанность оставаться при автомобиле.

Клаудио, прыгая по ручьям воды и по островкам грязи, заметил переперечную дорогу, поднимающуюся до уровня полей. Он прошел немного по ней, согнувшись под дождем, и увидел на коротком расстоянии, между апельсиновыми деревьями, маленький

домик, который, должно быть, в ясные дни был белым, а теперь казался серым. Одно из его окон было приоткрыто, и из него высовывались любопытные лица трех ребятишек.

Они исчезли, словно их испугало присутствие иностранца, и вместо них у окна появилась женщина в темном платке, повязанном на голове, с круглым лицом, белой кожей, несмотря на действие солнца, с монашеской серьезностью в нежных глазах, и с губами, крепко сжатыми.

— *Bôna dóna!.. Bôna dóna!* ¹,—воскликнул Борха на валенсийском диалекте; словно просил помощи у доброй женщины.

Она сделала утвердительный знак, угадывая его просьбу, и отошла от окна, чтобы тотчас открыть дверь дома, затем остановилась под навесом, прикрыв руками глаза.

Клаудио вернулся бегом к автомобилю за Розаурой.

— Мы спасены! Вам будет ужасно трудно дойти до этого дома, но другого выхода нет.

Он помог ей выйти из автомобиля и руководил добраться до дороги в апельсиновый сад. Тщетно предлагал отнести ее на руках.

— Вы не будете в состоянии это сделать, Борха. Я тяжелее, чем вы думаете.

Молодой человек убедился в том, взглянув на нее. Человеческое ничтожество! В несколько минут вели-

¹ Добрая женщина!—Добрая женщина!

чественная Венера превратилась в бедную женщину, равную женщинам доисторических племен, жертвам всех обид природы. Дождь окутал ее со всех сторон без всякого уважения, и достаточно было нескольких секунд, чтобы с ее прически полились капли дождя вниз из-под ее дорожной шляпы, в то время как другие струйки текли у нее с носа. Она чувствовала, как ее обливало холодными струйками с головы до ног. А ноги погружались в грязь, и ей пришлось делать большие усилия, чтобы не потерять своих башмаков.

Посредине красной дороги, которая вела в домик, Розаура почувствовала, что один башмак свалился с ее ноги. Борха хотел встать на колени, чтобы надеть ей башмак, но он был у нее уже в руке, и она продолжала подвигаться вперед в одном шелковом чулке, забрызганном грязью выше колен.

— Что за ужас! Какая грусть! — шептала она, подвигаясь вперед, жалея себя самое за свой все более и более плачевный вид.

Добрая женщина поспешно пригласила их войти в дом. Кухня служила общей комнатой и занимала большую часть постройки; другая комната была супружеской спальней, а третья, судя по постелям, — занята тремя детьми. Все в доме указывало на чисто-плотную бедность.

— Войдите, — сказала женщина по-валенсийски. — Войдите вы и ваша сеньора. Я сейчас растоплю печь.

Немного погода в камине горел огонь, импровизированный и скудный, как почти всегда бывает

в странах солнца, где холод является событием страшным и скоропреходящим. Дрова были из апельсиновых деревьев и несухие. Стволы их трещали и шипели.

Темнокрасное пламя давало больше дыма, чем света.

Вымокшие и продрогшие путешественники подошли к огню с животным наслаждением, подставляя свои руки и ноги совсем близко к пламени.

Женщина давала объяснения, но все по-валенийски, глядя на Розауру, словно та могла понять ее. Дети ее видели, как автомобиль ехал по низкой грунтовой дороге. В дни штормов ребятишкам нравилось смотреть на мокрые и вспыхивавшие молниями поля. Она живет одна, то-есть со своими тремя детьми и их дедом, почти слепым и иногда полубезумным.

Муж умер, еще не прошло года. Вдова продолжала обрабатывать маленький клочок земли, стараясь делать все так же тщательно, как ее покойный муж, но не знала, согласится ли собственник земли продолжить ей аренду.

— Ах, сеньора! Счастливы те, у кого жив муж, который мог бы заниматься управлением дома.

И она взглянула на Розауру, начинавшую смутно догадываться о том, что она говорит на своем непонятном для нее языке.

— Она принимает нас за мужа и жену,— сказала она Борха, когда вдова вышла не надолго из ком-

наты. Она смеялась над этим предположением, считая его смешным и нелепым.

— Оставьте ее, — ответил Клаудио, тоже улыбаясь. — Эта бедняга не может себе представить мужчину и женщину, путешествующих вместе иначе, как женатыми. Пусть остается в своем заблуждении. Кто знает, не лишимся ли мы ее уважения, если она узнает, что мы не женаты, и, пожалуй, еще выставит нас за дверь. Взгляните на все то, что нас окружает.

Вдова поставила на стол бронзовую лампу с четырьмя фитилями и зажгла все четыре, — роскошь, которую никогда не видели ее дети, все теснившиеся кругом стола и робко смотревшие на иностранцев, которых привела к ним буря.

Борха показал Розауре две картины, украшавшие кухню, — старые хромолитографии. Более рельефной нарисована была вторая картина, на которой изображался человек, бородатый и смуглый, в красной шапке, с орденом Золотого Руна на груди голубого сюртука; обе его руки опирались на кавалерийскую саблю. Это был — стремившийся сделаться самодержавным королем — претендент дон Карлос, за которого полвека тому назад сражалась большая часть жителей данной местности.

Вскоре затем вернулась бодрая старуха и, сняв с головы мешок из дерюги, в котором носила удобрение для своих апельсиновых деревьев, надела его в виде капюшона.

Женщина только-что говорила с шоффером на нижней дороге. Тщетно просила она его бросить авто-

мобиль. Он может спать в сарайчике для соломы: никто не украдет его экипаж; народ кругом честный. Но шоффер отказался с возмущением. Он обязан оставаться там и только просил у сеньоры позволения спать ночью внутри автомобиля.

Сообщив эти сведения, которые только Борха один мог понять, она принялась за приготовление ужина для путешественников. Затем, предложила Розауре белье, хранившееся в шкафу в ее спальне. Белье было грубое, но очень чистое и пахло розмарином. „Быть может, оно не понравится сеньоре, наверное, привыкшей к более тонкому белью, но она предлагает его от чистого сердца“.

Ласкаемая огнем, который ее согревал, Розаура отказалась от этого предложения, переведенного для нее с валенсийского Клаудио. Завтра утром одежда ее будет сухая, и она хочет лечь как можно скорее, если хозяйка уступит ей постель.

Им пришлось подчиниться древнему обычаю гостеприимства, по которому, прежде всего, надлежит позаботиться о желудке гостей. Напрасно они ссылались на свой сытный завтрак в полдень. Вдова настаивала:

— Всегда хорошо кушать, в особенности после того, как промокнешь.

Два старшие ее сына, тоже с мешками из дерюги на головах, вышли из дому, довольные тем, что могут пройти под дождем. Они отправились в другой дом, поблизости, где, по сведениям матери, имелась ветчина, соленая и мягкая.

Новое лицо появилось в кухне: отец покойного, которого все звали „дедом“.

Лета и привычка работать, согнувшись над землей, годы и годы обрабатывая ее, сгорбили его тело. Лицо у него было худое, с густыми морщинками вокруг глаз и рта. Зрачки, желтоватые и слезливые, хранили неподвижность слепоты. Он приветствовал иностранцев по-кастильски, медленно выговаривая слова с несколько смешным акцентом. И довольный, что дал им это доказательство своей учености, он направился к двери и приотворил ее.

— Идет дождь,—сказал он тоном оракула,—идет дождь, и скоро начнется гроза.

Борха удивился тому, как угадывал этот человек, лишенный зрения. Второй шторм приближался. От серого и туманного горизонта мчались тучи густо черные.

Вернулись дети с завернутой в намоченную бумагу ветчиной, и мать, нарезав ее кусками, бросала их в кастрюлю, висевшую над огнем.

— Вы и ваша сеньора должны что-нибудь съесть, чтобы согреться,—говорила настойчиво женщина.— У меня есть также вино моего бедного мужа.

Уже совсем стемнело. Одно из окон, не закрытое ставнем, было озарено ярким блеском, затем прокатился гром. Вдова поспешила закрыть ставни окна, отставив кастрюлю.

— Какая ночь ждет нас!—сказала она.— В это время года бури самые ужасные.

Двум гостям пришлось волей-неволей сесть за стол, накрытый грубой скатертью. Рядом с блюдом из местного фаянса стоял графин с мадерой и тарелка с хлебом домашнего изготовления, с черной коркой и желтоватым мякишем. Мягкая ветчина сделалась жесткой от того, что ее жарили в масле; но она оказалась до того соленой, что оба путешественника должны были пить вино покойного, чтобы освежить себе рот. Это грубое и терпкое вино, изобиловавшее алкоголем, оживило их кратковременной теплотой.

Розаура представила себе, что она вошла в „ранчо“ своей родины, спасаясь от дурной погоды. Необходимость заставила ее покориться и дышать воздухом, все гуще и гуще пропитанным дымом от сырого дерева, и запахом жареного растительного масла. Казалось, все предметы затягивались каким-то туманом. Она усиливалась удерживать кашель и много раз платком вытирала себе глаза. Такими же, должно быть, были жилища в Пампасах в колониальные времена.

С удовольствием вышла бы она из дому, но дождь и гром все более и более усиливались.

Дед медленно подошел к столу, с кротостью собаки, которая пробирается к остаткам обеда, и его дрожащие руки искали куски жареного мяса. Он овладел также и вином, которое его сноха ставила на стол только в выдающиеся дни.

Вечером он съел, как всегда, свой очень умеренный ужин, но уже не помнил о нем, прельщенный

запахом этого другого ужина, которым богатые гости, казалось, пренебрегали. Вдова забыла на минуту свой страх перед бурей, чтобы внушить уважение старику, с которым она обращалась, как с ребенком.

— Дед, не надоедайте этим сеньорам, — сказала она жестким голосом.

Слепой возмутился предположением, что он может „надоесть сеньорам“. Им очень нравилось его слушать. Он рассказывал им о том, чего они не могли видеть, так как они молоды.

Он говорил и говорил, точно продолжал рассказ, начатый много дней тому назад, не смущаясь тем, что теперь слушатели его уже другие. Невестка слышала бесконечное число раз ту же историю. Ее трое сыновей смотрели на иностранцев сонными глазами. Самый маленький прижимался к матери каждый раз, как домик сотрясаясь под грохотом шторма. Даже и он не обращал ни малейшего внимания на рассказ деда.

Наконец, невестка резко прервала старика:

— Замолчи, дед. Замолчи же!..

Старик замолчал, словно на него произвело наркотическое действие восхваляемое им вино. Оба иностранца тоже сидели безмолвно. После того, как прошло первое возбуждение от приключения, усталость делала свое дело.

Прерывая свою речь при каждом ударе грома, вдова стала объяснять, как они все могут провести ночь. Дом был маленький и нужно мириться с его небольшим объемом. После смерти мужа она была

одна в супружеской спальне, дети спали в другой комнате; дед устраивал себе постель на овечьих мехах на лавке в кухне.

Но этой ночью вдове придется перейти в комнату детей, уступив сеньорам свою спальню. И встав, она открыла дверь комнаты. Видны были белые оштукатуренные стены и кровать — лучшая мебель во всем доме. На ней лежало множество подушек, и все же постель явно была жесткая. Пока хозяйка ушла в спальню, чтобы убедиться, все ли там в порядке. Розаура, очнувшись от своей прострации, взглянула с беспокойством на своего спутника, говоря ему вполголоса:

— Что за безумие! Нельзя же так! Вы должны сказать правду!

Но он сопротивлялся. Теперь уже слишком поздно. Он не знает, как объяснить. К тому же, он боится, чтобы это не поставило их в затруднение. Бедной женщине невозможно поместить их порознь. Она и три ее сына будут вынуждены спать на стульях.

К тому же разве они не могут и в той комнате, как теперь в кухне, сидя и дремля, провести время до зари? И плохая ночь кончается, хотя и кажется очень длинной. Тут же рядом будет спать вся семья. „На войне, как на войне“. Никто не узнает об этом заблуждении бедной вдовы, которое могло бы дать повод к злым толкам. Даже и собственный ее шофер не будет ничего знать.

Она ответила почти незаметными отрицательными знаками, глядя на него пристально. Клаудио не вну-

шал ей страха. Она ведь не девушка, чтобы ее могла испугать отвага мужчины. Она умеет защищаться. Но, несмотря на это, Розаура настаивала на своем протесте. Дело в том, что этой ночью она сомневалась в себе самой, из-за своей усталости и изнеможения. Ей внушала недоверие ее заснувшая чувственность. Она думала о последних неделях целомудренной и спокойной жизни. Кто может угадать ужасные сюрпризы, которые таятся в нас самих, жестокие шутки, которые позволяет себе природа, обращаясь с нами, как с игрушкой?

— Я даю вам слово,—настаивал он вполголоса,— я клянусь вам... Спите в постели, как если бы вы были одни. Я просижу на стуле, лягу на пол, где бы то ни было. Не забывайте, что я кабальеро.

И у него дрожал голос, когда он давал эти обещания.

Розаура хотела поскорее уйти из кухни. Глаза ее слезились от дыма. Кашель все усиливался. Наверное, Борха находит ее очень некрасивой. Все это побудило ее повернуть голову к спальне со взором, который был понят хозяйкой дома.

Розаура встала, чтобы следовать за ней, но прежде чем уйти, сделала последнюю попытку.

— Оставайтесь здесь! Придумайте какой-нибудь предлог. Не идите за мной!

Борха пробыл минут пять один в столовой. Дед собрал свои меха и накидки и разложил их на скамейке в кухне. Он лег спать, сняв с себя только

башмаки и издавал вздохи, казавшиеся вздохами сладострастия.

— Лучше, чем капитан-генерал,—прошептал он сквозь беззубые десна.

Вдова ходила из одного конца комнаты в другой, точно удивляясь, почему молодой человек все еще оставался здесь.

— Сеньор, войдите, когда пожелаете, в ту комнату,—сказала она.—Ваша сеньора уже легла в постель, хотя одетая. Она говорит, что ей страшно ложиться спать, как в другие ночи. Меня это не удивляет; то же самое делаю и я сама.

Борха робко направился к двери. Затем он решительно открыл ее и запер за собой. Хозяйка дома слушала в течение нескольких минут восклицания сеньоры и слова ее мужа, который, казалось, мямлил извинения.

Спohватившись, что такое освещение расточительно, вдова поспешила потушить все четыре фитиля лампы. Без сомнения, эти, с виду богатые сеньоры, дадут ей хорошее вознаграждение завтра утром, но из-за этого ей все же не следует забывать об обычной экономии. В комнате было темно, кроме света от печки, все более слабого. Поленья начинали обращаться в уголья; рассыпались, вспыхивая последний раз. Гром продолжал грохотать, сотрясая стены дома, стекла окон дребезжали.

Вдове показалось, что раздавались гневные выкрики в ее спальне. Быть может, ее звали, и она

стояла в нерешительности в кухне. Ей казалось, что она слышит шум передвигаемой мебели, затем другой, более глухой шум: несомненно, стук в стену.

Ей вспомнилось ее прошлое. Все ссоры с покойным мужем, из-за ревности или из-за простой нервности, происходили ночью, после того, как дети были уложены.

Вдова медленно направилась к двери, придвинула лицо к замочной скважине и тихо спросила:

— Желаете вы что-нибудь?

Шопот—затем полнейшее молчание. Снова села она у огня в буковое кресло с сиденьем из плетеного камыша—самая роскошная мебель в кухне. Это облегчило приход к ней сна, который давно уже кружился вокруг нее.

После каждого удара грома она продолжала что-то бормотать, и, наконец, уснула, слыша все в большем отдалении гул и треск и не обращая внимания на другие, более близкие шумы, которые, казалось, шли из ее старой супружеской спальни.

Полное молчание внезапно разбудило ее. Кухня была погружена в темноту. В очаге оставались лишь маленькие световые кружки. С удивлением осмотрелась она кругом: не слышно ничего другого, кроме дыхания деда, слабого, как дыхание ребенка.

Встав с кресла, вдова на цыпочках подошла к двери своей бывшей комнаты. Супруги как-будто спали. Но она тотчас же убедилась, что они не спят. До слуха

ее долетел легкий шопот. Быть может, они говорили друг другу на ухо нежности, как и она своему покойному мужу, когда ссора заканчивалась перемирием. Это воспоминание, теперь такое грустное, погасило ее любопытство и заставило ее удалиться.

В темноте добралась она на цыпочках до одного из окон и открыла его настежь. Молочный свет залил ей лицо и бюст, делая ее похожей на мраморное изваяние.

Шторм удалился. Круглая и ясная луна, окруженная звездами, бежала, казалось, по небу среди темных, как чернила, с проблесками серебра, облаков. В действительности же облака скользили группами, то под луной, то на мгновение закрывая ее, после чего она, казалось, выходила еще более яркой.

На нижней грунтовой дороге виднелось словно сияние зари. Шоффер, заметив, что вода спадает, зажег свои фонари и стал поправлять повреждения. Металлический стук его железных орудий был единственным шумом ночи.

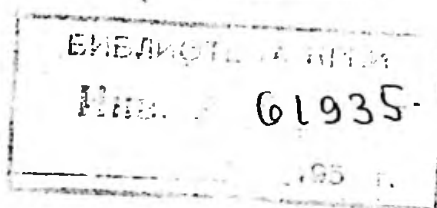
Вслед затем женщина стала рассматривать свой фруктовый сад. Апельсины блестели лунной глазурью. Воздух был насыщен благоуханием разграбленного сада. Почва была покрыта цветами, которые казались растоптанными отрядом ночных всадников. Шторм сорвал лепестки с померанцевых цветов, и земля начинала благоухать, как увядаемый букет новобрачных. В спокойных зеркалах луж отражались трепетные капли звезд.

Вскоре шквал, последний обрывок далекой мантии бури, заставил дрожать верхушки этого нереального сада.

Апельсины из своей листвы, пронизанной светом, роняли дождь драгоценных камней. Потом замирали неподвижно, а луна снова облекала их в серебро. С каждого листика висело по бриллианту.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Гл. I. Кабальеро Тангейзер	5
„ II. Вдова „короля полей“	18
„ III. Великий Вавилонский плен	33
„ IV. Папский замок	37
„ V. Сын Миссера Петракко	44
„ VI. Зарождение Великого Западного Раскола	60
„ VII. В Марселе	69
„ VIII. Где впервые появляется генерал-доктор	81
„ IX. Отъезд Розауры на Лазурный берег	91
„ X. Отъезд Клаудио в Перпиньян и Пенъискола	101
„ XI. О том, как сеньора де-Пинеда сделала маленький крюк по дороге в Париж	109
„ XII. На песчаном берегу	135
„ XIII. Буря	146

Если Вам
НУЖНЫ
КНИГИ

КЛАССИКИ, СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ РУССКИХ
и ИНОСТРАН. ПИСАТЕЛЕЙ,

ВСЕ НОВИНКИ
ПО БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

РУССКИХ и ИНОСТРАННЫХ
АВТОРОВ

ОБРАЩАЙТЕСЬ в книжные магазины
ИЗДАТЕЛЬСТВА

„МЫСЛЬ“

Ленинград, { Пр. 25-го Октября, 19.
 { Пр. Володарского, 51.